

Бенджамин Хорр

ДАО

ВИННИ-
ПУХХА

МЕДВЕЖЬЯ МУДРОСТЬ ДАО

Бенджамин Хофф - Дао Пуха

Перевод с английского: Тара Дэ

*Ханю Цян-цзы
Как можешь ты достичь Небес,
Не зная, Кто Ты Есть?*

*Как можешь к должному прийти,
Не ведая Пути?*

*Средь хаоса вещей вокруг
Да и в самом себе, мой друг,*

*Ты устранил бы кавардак
И не попал впросак,
Когда бы знал наверняка
Кто, Что, Когда и Как.
Пух*

В этой книге вы найдете живой даосизм во всей его простоте и естественности, изложенный увлекательно и остроумно.

В персонажах хорошо знакомой вам сказки можно узнать себя и своих знакомых в нелепом нагромождении «взрослого мира», такого серьезного и... мертвого!

Даосизм предлагает вернуться к естественности, чтобы вновь в полной мере почувствовать вкус жизни, утраченный в далеком детстве.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Что ты пишешь? — спросил Винни Пух, взбираясь на мой письменный стол.

— Дао Пуха, — ответил я.

— Да Пуха? — переспросил Пух, размазывая одно из только что написанных мною слов.

— Дао Пуха, — ответил я, отпихивая карандашом его лапу.

— Это больше похоже на ...ау! Пуха, — сказал Пух, потирая лапу.

— Совсем не похоже, — ответил я раздраженно.

— А о чем это? — спросил Пух, наклоняясь вперед и размазывая еще одно слово.

— О том, как оставаться счастливым и спокойным при любых обстоятельствах! — завопил я.

— А сам-то ты это читал? — спросил Винни Пух.

Это происходило уже после того, как некоторые из нас рассуждали о Великих Мастерах, и кто-то рассказывал о том, как все они пришли с Востока, а я говорил, что не все, но он все никак ни унимался (точно как это предложение), ни на что не обращая внимания, и тогда я решил зачитать цитату из «Мудрости Запада», чтобы доказать, что мир состоит больше, чем из одной половинки, и я прочел:

— Когда ты просыпаешься утром, Пух, — спросил Пятачок, — что ты говоришь себе первым делом?

— Что на завтрак? — сказал Пух. — А ты что говоришь, Пятачок?

— Я говорю, интересно, что же такое замечательное случится сегодня? — сказал Пятачок.

Пух задумчиво кивнул.

— Это то же самое, — сказал он.

— Это что? — спросил Скептик.

— Мудрость одного Западного Даоса, — сказал я.

— Похоже на что-то из «Винни Пуха», — сказал он.

— Так и есть, — сказал я.

— Но ведь это не про даосизм, — сказал он.

— Именно про даосизм, — сказал я.

— Да нет же, — сказал он.

— А про что, по-твоему? — сказал я.

— Про того косолапого медвежонка, который везде шатается, задает дурацкие вопросы, сочиняет всякие песенки и попадает в разные истории, не становясь при этом ни капельки умнее и не теряя своего незамысловатого счастья. *Вот* про что, — сказал он.

— *Никакой разницы*, — сказал я.

Тогда-то у меня и появилась мысль написать книгу, которая бы объясняла концепции даосизма на примере Винни Пуха и объясняла бы Винни Пуха на примере концепций даосизма.

Узнав о моих намерениях, ученые воскликнули: «Нелепо!» и еще что-то в том же духе. Другие сказали, что это глупейшая вещь, которую они когда-либо слышали, и что я, должно быть, брежу. Некоторые сказали, что идея интересная, но слишком сложная.

«Ты хотя бы знаешь, с чего начать?» — спрашивали они. В общем, одно древнее даосское изречение гласит: «Путь длиной в тысячу ли начинается с одного шага».

Так что, я думаю, мы начнем с начала...

ДА ПУХА?

— Понимаешь, Пух, — сказал я, — многие люди, по-видимому, не знают, что такое даосизм...

— Да? — сказал Пух, хлопая ресницами.

— Для того эта глава и нужна — чтобы дать кое-какие объяснения.

— А-а, понятно, — сказал Пух.

— И самый простой для нас способ сделать это — отправиться на минутку в Китай.

— Что? — сказал Пух, широко раскрыв глаза от удивления. — Прямо сейчас?

— Конечно. Все, что нам нужно сделать — это откинуться назад, расслабиться, — и мы уже там.

— А-а, понятно, — сказал Пух.

Давайте представим, что мы идем по узкой улочке в большом китайском городе и натыкаемся на небольшую лавочку, в которой продаются свитки с классической живописью. Мы заходим внутрь и просим показать нам что-нибудь аллегорическое — скажем, что-нибудь юмористическое, но с каким-нибудь Глубоким Смыслом. Хозяин лавочки улыбается. «У меня есть как раз то, что вам нужно», — говорит он нам. «Копия “Дегустаторов уксуса”!*» Он ведет нас к большому столу и разворачивает свиток, чтобы мы могли его хорошенько рассмотреть. «Простите, я должен отлучиться на минутку», — говорит он и уходит вглубь магазинчика, оставляя нас наедине с картиной.

* Несколько репродукций разных вариантов этой картины можно найти на [Город Творцов](#) в разделе «Лики Лао». — Прим. переводчика.

Хотя видно, что это совсем свежая копия, мы знаем, что оригинал был написан очень давно. Правда, точное время его создание неизвестно.

На картине мы видим трех человек, стоящих вокруг чана с уксусом. Каждый из них обмакнул палец в уксус и пробует его на вкус. По выражению их лиц сразу видно, как они оценивают уксус. Так как картина аллегорична, мы должны понимать, что это не простые дегустаторы уксуса, а представители «Трех Учений» Китая и что уксус, который они пробуют, символизирует Сущность Жизни. Три мастера — это Кун Фу-цзы (Конфуций), Будда и Лао-цзы, автор древнейшей из существующих книг о даосизме. У первого кислое выражение лица, у второго — горькое, а на лице третьего сияет улыбка.

Конфуцию жизнь казалась кислой. Он думал, что настоящее утратило связь с прошлым и что нынешнее правление человека на земле идет вразрез с Путем Неба, которому следует вся вселенная. Поэтому он предавал особое значение почитанию предков, а также древних ритуалов и церемоний, в которых император, Сын Неба, действует как посредник между безграничным Небом и ограниченной землей. В конфуцианстве использование строго продуманной музыки, предписанных шагов, действий и фраз дополнялось чрезвычайно сложной системой ритуалов, каждый из которых использовался для определенных целей и в строго определенное время. Про Конфуция ходила поговорка: «Если циновка лежит неровно, Мастер ни за что на нее не сядет». Вот какие нелепые вещи творились при конфуцианстве!

Для Будды, второй фигуре на картине, жизнь на земле была горькой, полной привязанностей и желаний, которые вели к страданиям. Мир представлялся ему механизмом, расставляющим капканы, генератором иллюзий, вращающимся колесом боли для всех созданий. Ревностные последователи Будды полагали, что покой можно найти, только вырвавшись за пределы этого «бренного мира» и достигнув Нирваны, буквально, состояния «безветрия». Хотя оптимистический подход китайцев существенно изменил буддизм, попавший к ним из Индии, благочестивые буддисты, тем не менее, частенько замечали, что путь к Нирване для них прегражден «горьким ветром» каждодневного существования.

Согласно учению Лао-цзы, каждый в любой момент может достичь гармонии, с начала начал существующей между небом и землей, но только не с помощью ритуалов, как в конфуцианстве. В своем трактате «Дао дэ цзин» («Книга о Пути и Силе») он писал, что земля, в сущности, является отражением неба, и управляется она теми же самыми законами, которые, правда, не имеют ничего общего с законами людей. Эти законы влияют не только на вращение далеких планет, но и на пение птиц в лесу, и на рыбу в море. По словам Лао-цзы, чем больше человек вмешивается в природное равновесие, поддерживаемое универсальными законами, тем больше он удаляется от гармонии. Чем больше усилий, тем больше проблем. Все уже обладает своей собственной природой, независимо от того, тяжелое оно или легкое, мокрое или сухое, быстрое или медленное. И эту природу нельзя изменить насильно, не причиняя при этом вреда. Когда извне насаждаются какие-то надуманные правила, борьба неизбежна. Тогда-то жизнь и становится кислой.

Для Лао-цзы жизнь была не механизмом, расставляющим капканы, а учителем, преподающим ценные уроки. Необходимо эти уроки усвоить, также как законам нужно следовать, и тогда все будет хорошо. Вместо того, чтобы отворачиваться от «бренного мира», Лао-цзы советовал «слиться с бренностью мира». То, что действует за пределами всех вещей на небе и на земле, он назвал Дао, «Путь». Основной принцип учения Лао-цзы заключается в том, что Путь вселенной нельзя адекватно описать словами и что попытка сделать это станет лишь очередной концепцией для человеческого разума, которая только еще больше запутает. Все же природу Дао можно постичь, но не интеллектуально, а лишь следуя Дао, растворившись в нем.

В ходе веков классическое учение Лао-цзы постепенно развивалось и вылилось в три религиозных учения: философское, монашеское и простонародное. Все они могут быть включены в общее понятие даосизма. Но основное проявление даосизма, о котором пойдет речь в этой книге, — это просто тотальное приятие, способность действовать спонтанно и гармонично взаимодействовать со всем тем, что происходит в повседневной

жизни. С точки зрения даосизма, естественным результатом такого гармонического существования будет счастье. Можно сказать, что самой заметной чертой даосского характера является счастливая безмятежность и что тонкое чувство юмора легко обнаружить даже в самых глубоких даосских трактатах, таких как «Дао дэ цзин», насчитывающий уже две с половиной тысячи лет. В сочинениях другого даоса, Чжуан-цзы, безмятежный смех бьет ключом, как вода из фонтана.

— А какое это имеет отношение к уксусу? — спросил Пух.

— А разве я только что это не объяснил? — сказал я.

— Не думаю, — сказал Пух.

— Ну хорошо, тогда сейчас объясню.

— Вот так бы сразу, — сказал Пух.

Почему Лао-цзы улыбается на картине? В конце концов, тот уксус, который символизирует жизнь, должен иметь неприятный вкус, судя по выражению лиц Будды и Конфуция. Но благодаря гармоничному взаимодействию с жизненными обстоятельствами, даосское понимание изменяет то, что другие воспринимают как негативное, во что-то позитивное. С точки зрения даосов, горечь и разочарование исходят от назойливого и неблагодарного ума. Сама по себе жизнь, если ее понять и принять такой, какая она есть, имеет сладкий вкус. В этом и заключается смысл, заложенный в картине «Дегустаторы уксуса».

— Сладкий? В смысле — как мед? — спросил Пух.

— Ну, может не *такой* уж сладкий, — сказал я. — Это было бы чересчур.

— Предполагается, что мы все еще в Китае? — осторожно спросил Пух.

— Нет, мы покончили с объяснениями и теперь снова вернулись за наш стол.

— Уф-ф.

— И как раз вовремя, чтобы чем-нибудь подкрепиться, — добавил он, направляясь к буфету.

ДАО КОГО?

Однажды, поздно вечером мы обсуждали определение понятия мудрости и уже совсем засыпали, когда Пух заявил, что его понимание даосских принципов перешло к нему от некоторых его предков.

— Твои предки? Кто, например? — спросил я.

— Например, Пух Дао-цзы, известный китайский живописец, — сказал Пух.

— Он — Ву Дао-цзы.

— Ну, тогда, как насчет Ли Пуха, известного даосского поэта? — осторожно спросил Пух.

— Ты имеешь в виду Ли Бо?

— Ох, — сказал Пух, глядя себе под ноги.

Тогда я кое-что придумал.

— Это, на самом деле, ничего не значит, — сказал я, — потому что один из самых важных принципов даосизма был назван твоим именем.

— Правда? — спросил Пух с некоторой надеждой.

— Конечно: *Лу*, Неотесанное Бревно.

— А я и забыл! — сказал Пух.

Сейчас мы попытаемся объяснить, что такое *Лу*, Неотесанное Бревно. В классической даосской манере мы не будем слишком напрягаться или давать слишком длинные объяснения, потому что это только все запутает, и еще потому, что может возникнуть впечатление, что это всего лишь интеллектуальная идея, которую можно оставить на интеллектуальном уровне и проигнорировать. Потом вы скажите: «Ну хорошо, идея в целом неплохая, но что она означает?» Поэтому, вместо этого мы попытаемся *показать*, что она означает, на множестве примеров.

Кстати, «*Лу*» произносится почти как «Пух», или как звук, который вы издаете, сдувая со своей руки муху в жаркий летний день.

Прежде чем мы пригласим нашего Постоянного Эксперта, давайте кое-что проясним.

Принцип Неотесанного Бревна заключается в том, что вещи в своей изначальной простоте содержат свою собственную естественную силу — силу, которую легко повредить и потерять, если отказаться от простоты. Для иероглифа *Лу* обычный китайский

словарь дает следующие значения: «естественный, простой, ясный, искренний». Иероглиф Пу состоит из двух различных иероглифов: первый, «корневой», или несущий смысловое значение элемент, означает «дерево»; второй, «фонетический», или определяющий звучание, имеет значение «заросли» или «чаща». Так, из «дерева в чаще» или «невырубленных зарослей» происходит значение «вещей в их естественном состоянии» — что обычно передается в западных переводах даосских трактатов как «Неотесанное Бревно».

Этот основной принцип даосизма относится не только к вещам в их естественной красоте и назначении, но также и к людям. Или к Медведям. Что приводит нас к Винни Пуху, подлинному воплощению Неотесанного Бревна. В качестве иллюстрации этого принципа он может иногда показаться *слишком* уж простым...

— А по-моему, нам надо взять правее, — тревожно сказал Пятачок. — А ты что думаешь, Пух?

Пух посмотрел на свои передние лапки. Он знал, что одна из них была правая, знал он, кроме того, что если он решит, какая из них правая, то остальная будет левая. Но никак не мог вспомнить с чего надо начать.

— Ну, — сказал Пух нерешительно.

...но независимо от того, каким его видят другие, особенно те, которых легко одурачить внешним видом, Пух, Неотесанное Бревно, способен завершить начатое именно благодаря своей простоте. Любой, вышедший из лесов старый даос скажет вам, что “простой” совершенно необязательно означает “глупый”. Замечательно то, что даосский идеал — это тихий, спокойный, отражающий «зеркальный ум» Неотесанного Бревна, и еще замечательно то, что именно Винни Пух, а не умный Кролик, Сова или Иа, является главным героем «Винни Пуха» и «Дома на Пуховой Опушке»:

— Итак, — сказал Кролик, — мы умудрились заблудиться. Таковы факты.

Все трое отдыхали в маленькой ямке с песком. Пуху ужасно надоела эта ямка с песком, и он серьезно подозревал, что она просто-таки бежит за ними по пятам, потому что, куда бы они не направились, они обязательно натыкались на нее. Каждый раз, когда она появлялась из тумана, Кролик торжествующе заявлял: «Теперь я

знаю, где мы!», а Пух грустно говорил: «Я тоже». Пятачок же вообще ничего не говорил, он старался придумать, что бы такое ему сказать, но единственное, что ему приходило в голову, это: «Помогите, спасите!» — а говорить это было бы, наверное, глупо, ведь с ним были Пух и Кролик. Все долго молчали.

— Ну что ж, — сказал Кролик, по-видимому, все это время напрасно ожидавший, что его поблагодарят за приятную прогулку. — Пожалуй, надо идти. В какую сторону пойдём?

— А что если... — начал Пух не спеша, — если, как только мы потеряем эту Яму из виду, мы постараемся опять ее найти?

— Какой в этом смысл? — спросил Кролик.

— Ну, — сказал Пух, — мы все время ищем Дом и не находим его. Вот я и думаю, что если мы будем искать эту Яму, то мы ее обязательно *не* найдем, потому что тогда мы, может быть, найдем то, что мы как будто не ищем, а оно может оказаться тем, что мы на самом деле ищем.

— Не вижу в этом большого смысла, — сказал Кролик.

— Да, — сказал Пух скромно, — его тут и нет. Но он собирался тут быть, когда я начинал говорить. Очевидно, с ним что-то случилось по дороге.

— Если я пойду прочь от этой Ямы, а потом пойду обратно к ней, то, конечно, я ее найду, — сказал Кролик.

— А я вот думал, что, может быть, ты ее не найдешь, — сказал Пух. — Я почему-то так думал.

— Ты попробуй, — сказал неожиданно Пятачок, — а мы тебя тут подождём.

Кролик фыркнул, чтобы показать, какой Пятачок глупый, и скрылся в тумане. Отойдя шагов сто, он повернул и пошел обратно... И после того, как Пух и Пятачок прождали его минут двадцать, Пух встал.

— Я почему-то так и думал, — сказал Пух. — А теперь, Пятачок, пойдём домой.

— Пух!.. — закричал Пятачок, дрожа от волнения. — Ты разве знаешь дорогу?

— Нет, — сказал Пух, — но у меня в буфете стоят двенадцать горшков с медом, и они уже очень давно зовут меня. Я не мог как

следует их расслышать, потому что Кролик все время тараторил, но если все, кроме этих двенадцати горшков, будут молчать, то, я думаю, Пятачок, я узнаю *откуда* они меня зовут. Идем!

Они пошли, и долгое время Пятачок молчал, чтобы не перебить горшки с медом, и вдруг он легонько пискнул... а потом сказал: «О-о», потому что начал узнавать, где они находятся. Но он все еще не осмеливался сказать об этом громко, на случай, если он все-таки ошибается. И как раз в тот момент, когда он уже был настолько в себе уверен, что стало неважно, слышны горшки или нет, впереди послышался оклик, и из тумана вынырнул Кристофер Робин.

В конце концов, если бы самым важным был Ум, то Кролик был бы на первом месте, а не Медведь. Но все устроено совсем иначе.

— Мы пришли пожелать тебе Очень Приятного Четверга, — объявил Винни Пух, после того как он раз-другой попробовал войти в дом и выйти наружу (чтобы удостовериться в том, что дверь Кролика не похудела).

— А что собственно произойдет в четверг? — спросил Кролик.

И когда Пух объяснил что, а Кролик, чья жизнь состояла из Очень Важных Дел, сказал: «А-а. А я думал, что вы действительно пришли по делу», — Пух и Пятачок на минутку присели... а потом поплелись дальше. Теперь ветер дул им в спину, так что не надо было так орать.

— Кролик — он умный! — сказал Пух в раздумье.

— Да, — сказал Пятачок. — Кролик — он хитрый.

— У него настоящие Мозги.

— Да, — сказал Пятачок, — у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

— Наверно, поэтому, — сказал наконец Пух, — наверно поэтому-то он никогда ничего не понимает!

И если умный Кролик не вполне владеет ситуацией, то несносный Иа — тем более. В чем же причина? В том, что можно назвать “жизненной позицией Иа”. Если Кролик стремится к знанию, чтобы быть умным, а Сова — чтобы таковой казаться, то Иа Знание нужно, чтобы на что-нибудь жаловаться. Любой, у кого его нет, понимает, что жизненная позиция Иа мешает таким вещам, как мудрость и счастье, и сильно препятствует любому Стоящему Делу в жизни:

Иа — старый серый ослик — однажды стоял на берегу ручья и понуро смотрел в воду на свое отражение.

— Жалкое зрелище, — сказал он наконец. — Вот как это называется — жалкое зрелище.

Он повернулся и медленно побрел вдоль берега вниз по течению. Пройдя метров двадцать, он перешел ручей вброд и точно так же медленно побрел обратно по другому берегу. Напротив того места, где он стоял сначала, Иа остановился и снова посмотрел в воду.

— Я так и думал, — вздохнул он. — С этой стороны ничуть не лучше. Но всем наплевать. Никому нет дела. Жалкое зрелище — вот как это называется!

Тут сзади него в кустах раздался треск и появился Винни Пух.

— Доброе утро, Иа! — сказал Пух.

— Доброе утро, медвежонок Пух, — уныло ответил Иа. — Если это утро доброе. В чем я лично сомневаюсь.

— Почему, что случилось?

— Ничего, медвежонок Пух, ничего особенного. Все же не могут. А некоторым и не приходится. Тут ничего не поделаешь.

Не то чтобы Иа был лишен некоторой доли сарказма...

— Здравствуй, Иа! — весело окликнули они ослика.

— А, — сказал Иа, — заблудились?

— Что ты! Нам просто захотелось тебя навестить, — сказал Пятачок, — и посмотреть, как поживает твой дом. Смотри, Пух, он все еще стоит!

— Понимаю, — сказал Иа. — Действительно, очень странно. Да, пора бы уже кому-нибудь прийти и свалить его.

— Мы думали — а вдруг его повалит ветром, — сказал Пух.

— Ах, вот что. Очевидно, поэтому никто не стал себя утруждать. А я думал, что о нем просто позабыли.

Похоже, это действительно не слишком весело. Особенно если посмотреть на все с другой стороны. Слишком сложно или вроде того. В конце концов, почему все так любят Пуха?

— Ну хотя бы потому... — сказал Пух.

... Да, хотя бы потому, что существует принцип Неотесанного Бревна. Но все-таки, что в Пухе самое привлекательное? За что его еще любят, как не за...

— Ну, хотя бы за...

... простоту, Простоту Неотесанного Бревна. А самая привлекательная вещь в Простоте — это ее практическая мудрость, мудрость типа чего-бы-такого-поесть — мудрость, которую легко понять.

Поэтому пусть Пух объяснит нам природу Неотесанного Бревна.

— Итак, Пух, что ты можешь нам рассказать о Неотесанном Бревне?

— О чем? — спросил Пух, вдруг садясь и открывая глаза.

— Неотесанное Бревно. Ты знаешь...

— А-а, это... Ну-у...

— Что ты можешь об этом сказать?

— Я этого не делал, — сказал Пух.

— Ты...

— Это, наверное, Пятачок, — сказал он.

— Это не я! — пропищал Пятачок.

— А-а, Пятачок, где ты?

— Не я, — сказал Пятачок.

— Ну тогда это, должно быть, Кролик, — сказал Пух.

— Это был не я! — настаивал Пятачок.

— Кто-нибудь меня звал? — сказал Кролик неожиданно выскакивая из-за кресла.

— А-а, Кролик, — сказал я. — Мы говорили о Неотесанном Бревне.

— Я его не видел, — сказал Кролик, — но я пойду спрошу Сову.

— Это необяза... — начал я.

— Слишком поздно, — сказал Пух. — Он уже убежал.

— Я даже никогда не *слышал* о Неотесанном Бревне, — сказал Пятачок.

— И я тоже, — сказал Пух, — потирая ухо.

— Это просто фигуральное выражение, — сказал я.

— Фигу... что? — спросил Пух.

— Фигуральное выражение. Оно означает, что... ну, в общем, Неотесанное Бревно — это все равно, что сказать «Винни Пух».

— Ой, и все? — сказал Пятачок.

— А я-то думал, — сказал Пух.

Пух не может описать нам Неотесанное Бревно на словах; он сам — Неотесанное Бревно. В этом и заключается природа Неотесанного Бревна.

Когда вы отбросите высокомерие, сложность и другие подобные вещи, рано или поздно вы обнаружите тот простой, по-детски непосредственный и загадочный секрет, известный всем тем, кто являет собой Неотесанное Бревно: Жизнь — это Прикол.

И вот однажды, осенним утром, когда ветер ночью сорвал все листья с деревьев и старался теперь сорвать ветки, Пух и Пятачок сидели в Задумчивом Месте и думали, чем бы им заняться.

— Я думаю, — сказал Пух, — что я думаю вот что: нам не плохо бы сейчас пойти на Пуховую Опушку и повидать Иа, потому что, наверное, его дом снесло ветром и, наверное, он обрадуется, если мы его опять построим.

— А я думаю, — сказал Пятачок, — что я думаю вот что: нам неплохо было бы сейчас пойти навестить Кристофера Робина, только мы его не застанем, так что это не выйдет.

— Пойдем навестим всех-всех-всех, — сказал Пух, — потому что, когда ты долго ходишь по холоду, а потом вдруг зайдешь кого-нибудь навестить, и он тебе скажет: «Привет, Пух! Вот кстати! Как раз пора чем-нибудь подкрепиться!» — это всегда очень-очень здорово!

Пятачок сказал, что для того, чтобы навестить всех-всех-всех, нужен серьезный повод — скажем, вроде организации Экспедиции, и пусть Пух что-нибудь придумает, если может.

Пух, конечно же, мог.

— Мы пойдем, потому что сегодня четверг, — сказал он, — и мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга. Пошли, Пятачок!

Из состояния Неотесанного Бревна приходит способность наслаждаться простотой и спокойствием, естественностью и ясностью. Вместе с ней приходит способность действовать спонтанно и адекватно в любой ситуации, хотя другим это может показаться несколько странным. Как говорил Пятачок в «Винни Пухе», «...у Пуха мало Мозгов, но он никогда от этого не страдает. Он делает глупости, но всегда выходит, что это как раз то, что нужно».

Чтобы разобраться во всем этом капельку получше, давайте понаблюдаем за кем-нибудь, кто абсолютно не похож на Винни Пуха. Вот к примеру Сова ...

ПРАВОПИСАНИЕ СЛОВА «ВТОРНИК»

Винни Пух шагал мимо сосен и елок, шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником, шагал по крутым берегам ручьев и речек, шагал среди груд камней и снова среди зарослей, и вот, наконец, усталый и голодный, он вошел в Дремучий Лес, потому что именно там, в Дремучем Лесу, жила Сова.

«А если кто-нибудь что-нибудь о чем-нибудь знает, — сказал Пух про себя, — то это, конечно, Сова. Или я не Винни Пух, — сказал он. — А я — он, — добавил Винни Пух. — Значит, все в порядке!»

Итак, мы пришли к дому Совы, как частенько поступают некоторые из нас, ища ответы на те или иные вопросы. Найдём ли мы здесь то, что ищем?

Прежде чем войти и осмотреться, неплохо бы сделать несколько замечаний о том, кто такая Ученая Сова с точки зрения принципов даосизма, о которых мы здесь говорим.

Для начала нужно отметить, что в Китае почти все ученые были конфуцианцами как в теории, так и на практике, и потому говорили на языке, отличном от языка даосов, которые считали конфуцианских ученых суетливыми муравьями, портящими пикник жизни, снующими туда-сюда в поисках падающих сверху объедков. В последнем разделе «Дао дэ цзин» Лао-цзы писал: «Мудрые не учёны, учёные не мудры» — позиция, разделяемая бесчисленными даосами как в прошлом, так и в настоящем.

С точки зрения даосизма, если ум ученого и может сгодиться для анализа некоторых вещей, то более глубокие и серьезные вещи находятся вне его ограниченного понимания. Даос Чжуан-цзы выразил это следующим образом:

Колодезная лягушка не может представить себе океан, также не может летнее насекомое вообразить лед. Как может ученый понять Дао? Он ограничен своим собственным учением.

Может показаться странным, что даосизм, или путь Целостного Человека, Истинного Человека, Человека Дао (используя даосские

термины), в основе своей представлен здесь, на Западе, Ученой Совой — Мозгом, Академиком, сухим-как-пыль Рассеянным Профессором. Далекое от даосского идеала ценностей, это нелепое и неуравновешенное создание раскладывает по полочкам все виды абстрактных понятий, оставаясь при этом совершенно беспомощным и неорганизованным в повседневной жизни. Вместо того, чтобы, следуя Дао, учиться непосредственно на жизненном опыте, он учится интеллектуально и косвенно, из книг. И поскольку он обычно не применяет даосские принципы в повседневной жизни, его объяснение этих принципов имеет тенденцию опускать некоторые довольно важные детали, такие, например, как применение этих принципов на практике.

В довершение ко всему очень трудно обнаружить какой-либо дух даосизма в безжизненных писаниях напрочь лишенного чувства юмора Академического Гробовщика, чьи безвкусные Ученые Диссертации содержат не больше Истинного Дао, чем типичный музей восковых фигур.

Но чего еще можно ожидать от Совы-Теоретика, сухого западного последователя Искушенного Профессора-Конфуцианца, который, в отличие от своего доблестного, хотя и лишенного живости воображения предка, считает, что обладает исключительным правом на...

— Что-что? — прервал меня Пух.

— Что *что*? — спросил я.

— Что ты только что сказал — Сушеный Профессор, Конфузианец.

— Значит, так. Сушеный Профессор, Конфузианец — это тот, кто приобретает Знание ради самого Знания, и тот, кто не любит делиться своим знанием с теми, кто в нем действительно нуждается, а предпочитает писать напыщенные, вычурные диссертации, которые никто кроме него самого не понимает. Так понятней?

— Намного, — сказал Пух.

— Сейчас Сова нам продемонстрирует, что значит Сушеный Профессор, Конфузианец, — сказал я.

— Ясно, — сказал Пух.

И вот мы вновь вернулись к Сове. Как там Кролик описал ситуацию с Совой? А, вот же она:

...нельзя не уважать того, кто умеет написать слово «вторник», даже если он пишет его неправильно, но правильное написание — это еще не все. Бывают такие дни, когда умение написать слово «вторник» просто не считается.

— Кстати, Пух, а как пишется слово «вторник»?

— Пишется что? — спросил Пух.

— «Вторник». Ну ты знаешь — понедельник, вторник...

— Как?

— Мой дорогой Пух, — сказала Сова, — *каждый* знает, что оно пишется через *ВТОР-*

— Да? — спросил Пух.

— Конечно, — сказала Сова. — Потому что это *второй* день недели.

— Ах, вот как надо проверять! — сказал Пух.

— Ну, хорошо, Сова, — сказал я. — А что тогда идет после пятницы?

— *Шестенье*, — сказала Сова.

— Сова, ты все перепутала, — сказал я. — Этот день идет не после пятницы и называется он не *шестенье*, а *воскресенье*.

— Тогда что после пятницы? — спросила Сова.

— *Сегодня!* — завопил Пятачок.

— Мой любимый день, — сказал Пух.

И наш тоже. Интересно, почему ученые уделяют ему так мало внимания? Наверное, потому что они *Конфузятся*, думая слишком много о других днях.

Есть у ученых одна неприятная черта — они очень любят использовать Длинные Слова, которые некоторые из нас не понимают...

— Ну, — сказала Сова, — обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

— Что значит Бычья Цедура? — сказал Пух. — Ты не забывай, что у меня в голове опилки, и длинные слова меня только огорчают.

— Ну, это означает то, что надо сделать.

— Пока оно означает именно это, я не возражаю, — смиренно сказал Пух.

...и иногда возникает впечатление, что эти устрашающие слова нужны специально для того, чтобы помешать нам что-либо понять. Тогда ученые смогут казаться Исключительно Умными, и их никто не сможет заподозрить в Незнании Чего-Либо. Ведь с точки зрения ученых, не знать всего — это преступление.

Но иногда умствования ученого бывают столь трудны для понимания, потому что они не вполне совпадают с тем, что нам известно из опыта. Другими словами, Знание и Опыт не обязательно должны говорить на одном и том же языке. Но что, если знание, которое приходит с опытом, ценнее любого другого? Огромному числу ученых не мешало бы выйти на природу и просто подышать — походить по траве, поговорить с животными. Ну, вы же понимаете.

— Многие люди говорят с животными, — сказал Винни Пух.

— Может быть, но...

— Но не многие слушают, — сказал он.

— Вот в чем проблема, — добавил он.

Другими словами, можно сказать, что гораздо лучше Знать, чем всегда быть правым. Как писал поэт-мистик Хань-Шань,

Ученый по имени Ванг

Смеялся над моими стихами.

То лишние слоги,

Говорил он,

То хромает размер,

То не выдержан стиль.

А я смеюсь над его стихами,

Так же, как он — над моими.

Они похожи

На попытки слепца

Описать солнце.

Часто бывает так, что когда человек долго бьется над какими-нибудь относительно неважными вещами, это его сильно *Конфузит*. Пух очень точно описал Конфуцианский ум:

На днях, не знаю сам зачем,

Зашел я в незнакомый дом,

Мне захотелось кое с кем

Потолковать о Том о Сем.

Я рассказал им, Кто, Когда,
И Почему, и Отчего,
Сказал Откуда и Куда,
И Как, и Где, и Для Чего;
Что было Раньше, что Потом,
И Кто Кого, и Что к Чему,
И что подумали о Том,
И Если Нет, То Почему?
Когда мне не хватало слов,
Я добавлял то «Ах», то «Эх»,
И «Так сказать», и «Будь здоров»,
И «Ну и ну!», и «Просто смех!».
Когда ж закончил я рассказ,
И кое-кто спросил: «И всё?
Ты говорил тут целый час,
А рассказал ни то ни сё!... —
Тогда...

Да, действительно, ни то ни сё. Для Сушеного Профессора давать названия вещам — самая жизненно важная деятельность в мире. *Дерево. Цветок. Собака.* Но не просите их подрезать дерево, посадить цветок, заботиться о собаке, если не хотите Неприятных Сюрпризов. Похоже, что любое полезное практическое занятие не имеет к ним никакого отношения.

Правда, даже скучные и неинтересные ученые бывают очень полезны и необходимы. Они снабжают нас информацией. Только вот дело в том, что существует Нечто Большее, чем просто информация, и это Нечто Большее как раз и есть сама жизнь.

Ай!

— Слушай, Пух, ты не видел другой карандаш?

— Я только что видел, как Сова им что-то писала, — сказал Пух.

— Ах, вот он. А это еще что? «Трубказубы и Их Аберрации».

— Трубка-кто? — сказал Пух.

— «Трубказубы и Их Аберрации» — это то, о чем писала Сова.

— Неужели она об этом писала? — сказал Пух.

— Смотри-ка, карандаш весь изгрызен.

Еще одна забавная вещь, связанная со Знанием ученого, профессора или кого-то еще, заключается в том, что они всегда обвиняют разум Неотесанного Бревна — который они называют Невежеством — в тех проблемах, которые они сами и создают, прямо или косвенно, посредством всяких ограничений, недальновидности или небрежности. Например, если вы строите дом там, где ветер может его снести, а потом оставляете его разваливаться на части, пока вы заняты проблемой правописания слова *Мармелад*, то что скорее всего случится? Ну конечно! Это все знают. А вот когда рухнул дом Совы, что она сказала?

— Пух, — с упреком сказала Сова, — это ты наделал?

— Нет, — кротко сказал Пух, — не думаю, чтобы я.

— А тогда кто же?

— Я думаю, это ветер, — сказал Пятачок. — Я думаю, твой дом повалило ветром.

— Ах, вот как! А я думала, это Пух устроил.

— Нет! — сказал Пух.

В заключении этой главы о Знании ради Знания давайте вспомним эпизод из «Дома на Пуховой Опушке». Иа был занят тем, что устрашал Пятачка чем-то, что он сделал из трех палочек...

— А ты знаешь, что означает «А», маленький Пятачок?

— Нет, Иа, не знаю.

— Оно означает Учение, оно означает Образование, Науки и тому подобные вещи, о которых ни Пух, ни ты не имеете понятия. Вот что означает «А»!

— О! — снова сказал Пятачок. — Я хотел сказать «Да ну?» — поспешно пояснил он.

— Слушай меня, маленький Пятачок. В этом лесу толчется масса всякого народа, и все они говорят: «Ну, Иа — это всего лишь Иа, он не считается». Они разгуливают тут взад вперед и говорят: «Ха-ха!» Но что они знают про букву «А»? Ничего. Для них это просто три палочки. Но для Образованных, заметь себе это, маленький Пятачок, для Образованных — я не говорю о Пухах и Пятачках — это знаменитая и могучая буква «А». Да, это тебе не такая вещь, — добавил он, — про которую каждый знает, чем это пахнет!

Потом пришел Кролик...

— Иа, у меня к тебе только один вопрос. Что делает Кристофер Робин в последнее время по утрам?

— Что я сейчас вижу перед собой? — сказал Иа, не поднимая глаз.

— Три палочки, — не задумываясь, ответил Кролик.

— Вот видишь? — сказал Иа Пятачку. Потом он повернулся к Кролику. — Теперь я отвечу на твой вопрос, — торжественно сказал он.

— Спасибо, — сказал Кролик.

— Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он получает образование. Он обалдевает — по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, я и заблуждаюсь, — он обалдевает знаниями. В меру своих скромных сил я также — если я правильно усвоил это слово — обал... делаю то же, что и он. Вот это, например, буква...

— Буква «А», — сказал Кролик, — но не очень удачная. Ну ладно, я должен идти и сообщить остальным.

Иа посмотрел на свои палочки, а потом на Пятачка.

— Как сказал Кролик? Что это такое? — спросил он.

— «А», — сказал Пятачок.

— Это ты ему сказал?

— Нет, Иа, я не говорил. Я думаю, он сам знает.

— Он знает? Ты хочешь сказать, что какой-то там Кролик знает букву «А»?

— Да, Иа. Он очень умный, Кролик-то.

— Умный!.. — сказал Иа с презрением, изо всех сил наступив копытом на свои три палочки.

— Образование!... — с горечью сказал Иа, прыгая на своих палочках (их уже стало шесть).

— Что такое наука? — спросил Иа, лягая палочки (их уже было двенадцать), так что они взлетели в воздух. — Какой-то Кролик все знает. Ха!..

Так-то вот!

— А я знаю кое-что, чего Кролик не знает, — сказал Пятачок.

— Да? И что же это? — спросил я.

— Ну, я точно не помню, как это называется, но...

— Ах, это! Как раз об этом сейчас и пойдет речь, — сказал я.

— Правда? И как оно называется? — сказал Пятачок, подпрыгивая от нетерпения.

— Так, посмотрим...

ИМЕНИННЫЙ ПИРОГ

Помните, как Кенга и Ру появились в лесу? Кролик тут же решил, что они ему не нравятся, потому что они Другие. Затем он стал думать, как от них избавиться. К счастью для всех его план провалился, что рано или поздно случается со всеми Разумными Планами.

Все-таки, ум ограничен. Его механические суждения и умные замечания становятся со временем не точными, хотя бы потому, что он не проникает глубоко в суть вещей. То же произошло и в случае с Кроликом — потом ему пришлось изменить свое мнение из-за чего-то такого, что он вначале не заметил. То, что делает кого-либо *по-настоящему* другим — неповторимым — это нечто такое, что Разум понять не в состоянии.

Назовем это особое Нечто *Внутренней Природой*. Поскольку интеллект слишком слаб, чтобы постичь ее суть, пусть Винни Пух объяснит ее нам. А сделает он это с помощью Принципа Именинного Пирога.

— Э-э... Кхм-кхм.

Простите, я на минутку.

— Да, Пух?

— Я должен объяснять это? — сказал Пух, закрывшись лапкой.

— Ну да. Я подумал, что это было бы здорово.

— А почему бы тебе не объяснить это самому? — спросил Пух.

— Ну, я решил, что лучше будет, если это сделаешь *ты*, — все равно как.

— Не думаю, что это такая уж удачная мысль, — сказал Пух.

— Почему?

— Потому что, когда я что-нибудь пытаюсь объяснить, все только запутывается, — сказал он. — Вот почему.

— Ладно, тогда я сам объясню. А ты будешь мне помогать. Идет?

— Так гораздо лучше, — сказал Пух.

Значит так. Принцип Именинного Пирога основан на песне *Именинный Пирог*, которую Пух пел в «Винни Пухе».

— Слушай, Пух, может, споешь ее еще раз? Вдруг кто-нибудь забыл?

— Конечно, — сказал Пух, — Как это там было...

Он слегка откашлялся и начал:

Именинный, Именинный, Именинный Пирог,

Слоняется певец, но слон-то не умеет петь.

Загадай мне загадку, и я отвечу в срок:

Именинный, Именинный, Именинный Пирог,

Именинный, Именинный, Именинный Пирог,

Рыба свистеть не умеет, и я не могу.

Загадай мне загадку, и я отвечу в срок:

Именинный, Именинный, Именинный Пирог,

Именинный, Именинный, Именинный Пирог,

Почему цыпленок, не знаю почему.

Загадай мне загадку, и я отвечу в срок:

Именинный, Именинный, Именинный Пирог,

А теперь начнем с... Ах да! Чуть не забыл!

— Это было великолепно, Пух.

— Ой, да ладно!

Начнем с первой части: «Слоняется певец, но слон-то не умеет петь». Очень просто. Можно даже сказать — очевидно. Но вы будете удивлены, как много людей ежедневно нарушают этот принцип, пытаясь запихнуть квадратные колышки в круглые отверстия, игнорируя несомненную реальность того, что Вещи Такие, Какие Они Есть. Проиллюстрируем это с помощью отрывка из трактата Чжуан-цзы:

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы: «У меня есть дерево, которое ни один плотник не сможет использовать как строительный материал. Его ветви и ствол неподатливы, скрючены и усеяны дуплами. Ни один строитель даже не взглянет в его сторону. Твое учение так же бесполезно, как и это дерево. Поэтому никому нет до него дела.»

«Как тебе известно, — ответил Чжуан-цзы, — кошки ловко ловят мышей. Незаметно подкрадываясь, они могут броситься в любом направлении, преследуя свою жертву. Но когда их внимание

поглощено охотой, их самих легко поймать. С другой стороны, могучего яка трудно загнать в ловушку. Он подобен скале, или туче в небе. Но вся его сила не поможет ему поймать мышку.

Ты жалуешься, что твое дерево не годится под строительный материал. Но ведь ты можешь отдыхать в его тени, восхищаться узором его ветвей. Раз топор для него не опасен, что может угрожать его существованию? Оно бесполезно для тебя только потому, что ты хочешь превратить его во что-нибудь другое, вместо того, чтобы использовать его в соответствии с его природой.»

Другими словами, у каждой вещи есть свое место и свои функции. То же относится и к людям, хотя, похоже, далеко не все это понимают. Они застревают на нелюбимой работе, увязают в неудачном браке, оседают не в том доме. Если вы понимаете и уважаете свою Внутреннюю Природу, вы знаете, что вам подходит, а что — нет. То, что для одного еда, для другого — яд. То, что восхитительно и очаровательно для одного, может стать опасной ловушкой для другого. Случай из жизни Чжуан-цзы может служить тому примером:

Однажды, когда Чжуан-цзы сидел на берегу реки Пу, к нему подошли двое приближенных принца Чу и передали ему приглашение принца занять почетную должность при дворе. Чжуан-цзы долго смотрел на текущую перед ним воду, будто и не слышал их приглашения. Наконец, он произнес: «Я слышал, что у принца есть священная черепаха, которой уже более двух тысяч лет. Ее держат в ларце, обшитом шелком и парчой.» «Это правда», — сказали послы. «Как по-вашему, если бы у черепахи был выбор, — продолжал Чжуан-цзы, — чего бы ей больше хотелось — жить в грязи или быть мертвой во дворце?» «Конечно жить в грязи», — ответили послы. «Вот и я тоже предпочитаю грязь, — сказал Чжуан-цзы. — Прощайте!»

— Я тоже люблю грязь, — сказал Пух.

— Да... ну, во всяком случае...

— В жаркий летний день? Нет ничего лучше! — сказал он.

— Но дело в том, что...

— Она освежает, — сказал Пух.

— Пух, речь не об этом, — сказал я.

— Разве? — слегка ошеломленно спросил он.

— Я имею ввиду, что есть другие вещи, о которых...

— Откуда ты знаешь? — сказал Пух. — Ты сам когда-нибудь пробовал поваляться в грязи?

— Нет, но...

— Как раз то, что надо в жаркий летний день, — продолжал он, откидываясь на спинку стула и прикрывая глаза. — На берегу реки, измазавшись грязью...

— Послушай, Пух...

— Грязь — это здорово! — сказал Пятачок, подходя к нашему столу и глядя на нас снизу вверх. — Она придает коже такой замечательный оттенок!

— Сомневаюсь, чтобы *меня* это могло заинтересовать, — сказала Сова, подлетая и садясь на люстру. — Грязь застревает в перьях. Это очень неприятно.

— Вот видишь? — сказал я. — Все разные. Речь как раз об этом.

— А я думал, мы говорили о грязи, — сказал Пятачок.

— И я, — сказал Винни Пух.

— Так, — сказала Сова, — я должна вернуться к своей энциклопедии.

А теперь, если никто не возражает, давайте перейдем ко второй части: «Рыба свистеть не умеет, и я не могу». Мудрец сказал бы: «Я знаю, что для меня существуют кое-какие ограничения». И действовал бы он соответственно. Нет ничего плохого в том, что кто-то не умеет свистеть, особенно если этот кто-то — рыба. Но может возникнуть куча проблем, если слепо пытаться сделать что-то для тебя несвойственное. Рыбы не живут на деревьях, и птицы стараются, по возможности, проводить под водой как можно меньше времени. К сожалению, некоторые *люди* — те, которые считают себя умнее рыб и птиц, — оказываются недостаточно умными и втягивают в неприятности не только себя, но и окружающих.

Это не означает, что мы должны перестать изменяться и развиваться. Это просто означает, что мы должны понимать, Что Есть ЧТО. Если вы сталкиваетесь с тем фактом, что у вас, скажем, слабые мускулы, тогда вы можете приложить правильное усилие и постепенно укрепить их. Но если вы проигнорируете Что Есть Что и попытаетесь вытащить из кювета чью-либо машину, то что с вами будет потом? И будь вы даже сильнейшим человеком на земле, вы не

сможете перевернуть товарный поезд. Мудрые знают предел своих возможностей, дураки — нет.

Лучше всех продемонстрировать то, что мы имеем ввиду, может Тигра, который ничего не знает о пределе своих возможностей.

Ах, простите. Он говорит, что уже знает.

Ну, тогда давайте попробуем вспомнить, как ему пришлось это узнать. Ру и Тигра шли как-то по лесу, и Тигра рассказывал Ру обо всем, что умеют делать Тигры...

— А летать они умеют? — спросил Ру.

— Тигры-то? — сказал Тигра. — Летать? Тоже спросил! Они знаешь как летают!

— О! — сказал Ру. — А они могут летать не хуже Совы?

— Еще бы! — сказал Тигра. — Только они не хотят.

Разговаривая в том же духе, они добрались до Шести Сосен.

— А я умею плавать, — сообщил Ру, — я один раз упал в Реку и плавал. — А Тигры умеют плавать?

— Конечно умеют. Тигры все умеют.

— А по деревьям они умеют лазать лучше, чем Пух? — спросил Ру, остановившись перед самой высокой их Шести Сосен и задрал голову.

— По деревьям они лазают лучше всех на свете, — сказал Тигра, — гораздо лучше всяких Пухов!

И что же случилось потом? Разумеется, они застряли на самой высокой сосне. Так-так. Плачевный результат.

Но затем пришли Винни Пух и Пятачок, и, конечно же, Пух сразу понял, в чем дело. Ну, может, не сразу.

— Это Ягуляр, — сказал он.

— А что Ягуляры делают? — спросил Пятачок, в глубине души надеясь, что сейчас они этого делать не будут.

— Они прячутся на ветвях деревьев и оттуда бросаются на вас, когда вы стоите под деревом, — сказал Пух. — Кристофер Робин мне все-все про них рассказывал.

— Тогда мы лучше не будем подходить к этому дереву, Пух, а то он еще бросится оттуда и ушибется.

— Они не ушибаются, — сказал Пух, — они здорово умеют бросаться.

Однако Пятачка это почему-то не утешило. Он все-таки чувствовал, что не стоит подходить к дереву, с которого, того и гляди, кто-то бросится, хотя бы и очень умело, и он уже собрался побежать домой по какому-то очень срочному делу, когда Ягуляр подал голос.

— Помогите, помогите! — закричал он.

— Ягуляры — они всегда так, — сказал Пух, довольный, что может блеснуть своими познаниями. — Они кричат «Помогите, помогите», а когда вы посмотрите вверх — бросаются на вас.

Но тут подошел Кристофер Робин и Иа и сделали Спасательную Сетку. Тогда Ру прыгнул и был Спасен, и Тигра прыгнул (как бы)...

... и был Спасен (как бы):

Раздался стук, треск разрываемой ткани, и на земле образовалась куча мала.

Кристофер Робин, Пух и Пятачок поднялись первыми, потом они подняли Тигру, а в самом низу был, конечно, Иа.

— Да-а, ну и досталось же из-за тебя всем остальным, Тигра!

— Зато я учился на собственном опыте, — сказал Тигра уклончиво.

— Да ну?

— Конечно! Больше я никогда не буду делать ничего *такого*, — сказал он убежденно.

— Это хорошо, — сказал я. — А куда ты направляешься?

— Я-то? — сказал он. — А мы с Ру идем купаться.

— Ах вот как! Только не забудь взять с собой веревку.

— Веревку? Это еще зачем? — сказал Тигра.

— Да так, на всякий случай. Вдруг кто-нибудь свалится в воду, — сказал я.

— И правда! — сказал Тигра. — Как я мог об этом не подумать?

К этому случаю подойдет одна китайская поговорка: «Одна болезнь — долгая жизнь, нет болезней — короткая жизнь». Другими словами, те, кто знает свои недуги и принимает соответствующие меры, будут жить гораздо дольше тех, кто считает себя абсолютно здоровыми и игнорирует собственные слабости. В этом смысле, если вы в курсе своих Слабостей, они могут оказать вам огромную услугу. То же относится и к пределу своих возможностей, независимо от того, что о нем думают Тигры, — а Тигры, обычно, не имеют о нем ни

малейшего представления. Просто беда с этими Тиграми: они умеют делать *все*. Очень вредно для здоровья!

Когда вы осознаете пределы своих сил, у вас есть шанс их расширить, а не позволять им мешать вам и становиться у вас на пути, как происходит, когда вы их игнорируете, даже если вы при этом о них знаете. Тогда, со временем, вы обнаруживаете, что во многих случаях ваши слабости становятся вашей силой.

Например, когда дом Совы снесло ветром, кто сумел из него выбраться, хотя дверь была завалена огромной веткой и единственным выходом была щель от почтового ящика?

Пятачок, Очень Маленький Зверек.

А теперь заключительная часть принципа: «Почему цыпленок, не знаю почему». Почему цыпленок делает то, что он делает? Вы не знаете? И мы не знаем. И никто не знает. Наука любит расхаживать с важным видом и Поступать Умно, наклеивая на все ярлыки, но если приглядеться, станет ясно, что они никогда ничего толком не говорят. «Гены»? «ДНК»? Ничего, кроме поверхностных исследований. «Инстинкт»? Знаете, что это?

Любопытный: — Почему птицы улетают зимой на юг?

Ученый: — Инстинкт.

Это значит: «Мы не знаем».

Суть в том, что на самом деле нам *не нужно* это знать. Нам не нужно уподобляться Близорукой Науке, которая смотрит на мир через микроскоп, ища ответы, которые она никогда не найдет, а только получит новые вопросы. Нам не нужно играть в Абстрактного Теоретика, задавая ненужные вопросы и получая бессмысленные ответы. Что нам действительно нужно — это понять Внутреннюю Природу и взаимодействовать с Вещами, Какие Они Есть. Когда мы этого не делаем, у нас возникают проблемы.

Винни Пух и Пятачок обнаружили это, когда пытались поймать Слонопотама. Не зная точно, что едят Слонопотамы, Пятачок предположил, что их можно приманить желудями, а Пух решил... Кстати, вы ведь помните, кто такой Слонопотам?

Однажды, когда Кристофер Робин, Винни Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что было у него во рту, и сказал, как будто между прочим:

— Знаешь, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

— А чего он делал? — спросил Пятачок.

Можно было подумать, что он ни капельки не удивился.

— Ну, просто слонялся, — сказал Кристофер Робин. — По-моему, он меня не видел.

— Я тоже одного как-то видел, — сказал Пятачок. — По-моему, это был он. А может, и нет.

— Я тоже, — сказал Пух, недоумевая. «Интересно, кто же такой Слонопотам?» — подумал он.

— Их не часто встретишь, — небрежно сказал Кристофер Робин.

— Особенно сейчас, — сказал Пятачок.

— Особенно в это время года, — сказал Пух.

Вот кто такой Слонопотам. Итак, Пух и Пятачок решили его поймать. Началось все довольно хорошо...

Первое, что пришло Пуху в голову, — вырыть Очень Глубокую Яму, а потом Слонопотам пойдет гулять, упадет в эту яму, и...

— Почему? — спросил Пятачок.

— Что — почему? — сказал Пух.

— Почему он туда упадет?

Пух потер нос лапой и сказал, что, ну, наверно, Слонопотам будет гулять, мурлыкая себе под нос песенку и поглядывая на небо — не пойдет ли дождик, вот он и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее, а тогда ведь будет уже поздно.

Пятачок сказал, что это, конечно, очень хорошая Западня, но что если дождик уже будет идти?

Пух опять почесал свой нос и сказал, что он об этом не подумал. Но тут же просиял и сказал, что если дождь уже будет идти, Слонопотам может посмотреть на небо, чтобы узнать, скоро ли дождь перестанет, вот он опять и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее!.. А ведь тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что теперь все ясно, и, по его мнению, это очень-очень Хитрая Западня.

Пух был весьма польщен, услышав это, и почувствовал, что Слонопотам уже все равно что пойман.

— Но, — сказал он, — осталось обдумать только одно, а именно: где надо выкопать Очень Глубокую Яму?

Пятачок сказал, что лучше всего выкопать яму перед самым носом Слонопотама, как раз перед тем, как он в нее упадет.

— Но ведь тогда он увидит, как мы ее будем копать, — сказал Пух.

— Не увидит! Ведь он будет смотреть на небо!

Кажется, проще некуда! Так, посмотрим. Вначале вы копаете яму... не забывая, что она должна быть достаточно большая, чтобы в нее мог поместиться Слонопотам.

И чтобы Слонопотам наверняка попал в Западню, которую вы ему уготовили, надо поставить туда что-нибудь, что любят Слонопотамы. Например мешок орехов, или...

— Мед, — сказал Пух.

— Мед?

— Бочку меда, — сказал Пух.

— Ты уверен?

— Большую бочку меда, — настаивал Пух.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы Слонопотамы любили мед? Липкий, клейкий... Да они никогда...

— Самое то! — сказал Пух.

Ну хорошо, мед. Вы кладете мед в западню, и не успели вы и глазом моргнуть, как уже поймали...

Хм-м. Что-то не так. Это не Слонопотам. А что тогда? Может, Пятачок это выяснит, когда пойдет проверять Западню.

— Караул! Караул! — Закричал Пятачок. — Слонопотам, ужасный Слонопотам!!! — И он помчался прочь, так что только пятки засверкали, продолжая вопить:

— Караул!

Слонасный ужопотам!

Караул!

Потасный Слоноужам!

Слоноул! Слоноул!

Карасный Потослонам!...

Он вопил и сверкал пятками, пока не добежал до дома Кристофера Робина.

— В чем дело, Пятачок? — сказал Кристофер Робин, вылезая из постели.

— Ккк-карапот, — сказал Пятачок, который так запыхался, что едва мог выговорить слово. — Ужо... пото... Слонопотам!

— Где?

— Вон там, — сказал Пятачок, махнув лапкой.

— Какой он?

— У-у-ужасный! С вот такой головищей! Ну прямо, прямо... как... как не знаю что! Как горшок!

Все-таки оказалось, что использовать мед — не самая удачная идея. Как-то сомнительно, чтобы он сочетался с Природой Слонопотамов.

Теперь, когда мы знаем принцип, мы можем...

— А, это ты, Пух.

— Бу-бу-бу *Именинный пирог* бу-бу-бу.

— Прости, не понял?

— Расскажи им про *Именинный Пирог* — что он означает, — прошептал Пух более внятно.

— Я уже рассказал, — сказал я.

— Я имею ввиду, расскажи им, что он *символизирует*, — сказал Пух нетерпеливо.

— Ах да, конечно. Спасибо, Пух.

Пух хочет, чтобы мы поняли, что «Именинный Пирог» — это просто способ сказать «Внутренняя Природа». Если заменить последнюю строчку каждого четверостишья этим термином, мы получим:

Загадай мне загадку, и я отвечу в срок:

«Внутренняя Природа».

Хм-м./Р>

— «Именинный Пирог» звучит куда лучше, — сказал Пух.

— А как тебе такой вариант, Пух?

Загадай мне загадку, и я отвечу в срок:

«Вещи, Как Они Есть».

— Лучше, но все еще не в рифму.

— Ну хорошо. А так?

Загадай мне загадку, и я отвечу в срок:

«Именинный, Именинный, Именинный Пирог».

— То, что нужно, — сказал Пух.

Теперь, когда мы знаем этот принцип, мы можем обсудить его применение. Как мы уже, наверное, поняли, не бывает двух одинаковых снежинок, деревьев или зверей. Так же как и не бывает двух одинаковых *людей*. Всё имеет свою Внутреннюю Природу. Однако, в отличии от других форм жизни, людей легко увести в сторону от того, что для них хорошо, потому что у них есть Мозги, а Мозги легко запудрить. Внутреннюю Природу, если на нее полагаться, нельзя одурачить. Но большинство людей не прислушиваются к ней и, как следствие, совсем себя не понимают. А те, кто себя не понимает, не могут себя уважать, и поэтому легко подвергаются чужому влиянию.

Но вместо того, чтобы зависеть от советов и манипуляций других людей, предлагающих взамен наших «неправильных» шаблонов поведения их «правильные», можно, доверившись своей Внутренней Природе, просто следовать ей во всех ситуациях. Путь Доверия к Себе начинается с понимания того, кто мы есть на самом деле.

— А как бы ты объяснил это, Пух?

— Я бы спел песенку, — сказал он. — Я тут как раз кое-что сочинил.

— Давай.

— С удовольствием, — сказал Пух и, слегка откашлявшись, запел:

Как можешь ты достичь Небес,

Не зная, Кто Ты Есть?

Как можешь к должному прийти,

Не ведая Пути?

Средь хаоса вещей вокруг

Да и в самом себе, мой друг,

Ты устранил бы кавардак

И не попал впросак,

Когда бы знал наверняка

Кто, Что, Когда и Как.

— Все, — сказал он, откидываясь назад и закрывая глаза.

— Пух, да это шедевр!

— Ну, по крайней мере, выше среднего.

Рано или поздно, нам всем приходится признать, что в нас самих есть такие черты, которые нам не по вкусу. Но как только мы осознаем, что эти черты существуют, мы можем попробовать что-нибудь с ними сделать. Что лучше, избавиться от них, превратить их во что-нибудь другое или использовать их с пользой для себя? Два последних варианта, чаще всего оказываются наиболее Полезными, потому что они избегают открытого конфликта и, таким образом, сводят борьбу к минимуму. Они также позволяют добавить эти преобразованные черты к списку тех вещей, которые являются нашими помощниками.

Точно так же, вместо того, чтобы усиленно пытаться уничтожить все так называемые отрицательные эмоции, можно научиться использовать их во благо. Этот же принцип можно изобразить другим способом: если колотить по клавишам пианино, возникнет шум, но вряд ли появится музыка, если их убрать. Законы Музыки и Жизни не так уж и различны как нам кажется.

— А ты что скажешь, Пух?

— Скажу о чем?

— Ну, Музыка и Жизнь...

— Никакой разницы, — сказал Пух.

Мы так и думали. Так что, вместо того, чтобы идти против самих себя, все, что нам надо сделать в большинстве случаев — это направить наши слабости и привычки в противоположном направлении.

Следующий случай, записанный даосом Лю Яном, поможет проиллюстрировать, что мы имеем ввиду:

Случилось так, что в княжестве Чу один вор поступил на службу к генералу Цзу-Фа, который прославился своей склонностью использовать чужие таланты в практических целях.

Вскоре на княжество Чу напало войско княжества Чи. Воины Цзу-Фа трижды пытались отразить атаку противника и трижды были отброшены назад. Знатоки военного дела из Чу ломали голову в поисках подходящей стратегии, а войско врага, тем временем, становилось все сильнее и сильнее.

Тогда вор вышел вперед и попросил позволения использовать свое искусство для защиты Чу. Генерал дал свое согласие.

Той же ночью вор проник в лагерь Чи, забрался в палатку командующего и выкрал занавески с его кровати. На следующее утро Цзу-Фа передал занавески обратно через специального посла, указав в записке, что они были случайно найдены его людьми, собиравшими хворост.

Вечером вор украл подушку командующего войском Чи. На следующее утро она была возвращена с такой же запиской.

На третью ночь вор украл у командующего нефритовую заколку для волос. Она также была возвращена на следующее утро.

В тот же день командующий Чи собрал всех своих подчиненных. «Еще одна ночь, — предупредил он, — и это будет моя голова!». Тогда войску был отдан приказ собирать лагерь и возвращаться домой.

Итак, не бывает слишком бесполезных, слишком нечестных или слишком незначительных способностей. Все зависит от того, как вы их используете. Как говорил Лао-цзы, зло может стать сырьем для добра.

Вот так, довольно часто, самый простой способ избавиться от Минуса — превратить его в Плюс. Иногда вы обнаруживаете, что те отрицательные черты, от которых вы так настойчиво пытались избавиться, со временем возвращаются. Но если вы будете действовать правильно, они вернутся с пользой для вас. Может случиться так, что те самые привычки, которые вы ненавидели больше всего, в нужное время проявят себя с лучшей стороны и каким-то образом спасут вам жизнь. Если подобное приключалось с вами хотя бы однажды, вы двадцать раз подумаете, прежде чем приметесь делать так, чтобы они от вас Отскочили.

Что мы имеем в виду под словами «делать так, чтобы они от вас Отскочили»? Ну, вы ведь помните, что случилось с Тигрой?..

— Как же ты упал туда, Иа? — спросил Кролик, вытирая его носовым платком Пятачка.

— Я не упал, — отвечал Иа.

— А как же...

— На меня НАСКОЧИЛИ, — сказал Иа.

— Ой, — запищал взволнованный Ру, — тебя кто-нибудь толкнул?

— Кто-то НАСКОЧИЛ на меня. Я стоял на берегу реки и размышлял, *размышлял* — я надеюсь, кто-нибудь из вас понимает это

слово, — как вдруг я ощутил СИЛЬНЫЙ НАСКОК.

— Ой, Иа! — ахнуло все общество.

— А ты уверен, что ты не поскользнулся? — рассудительно спросил Кролик.

— Конечно я поскользнулся. Если вы стоите на скользком берегу реки и кто-то внезапно НАСКОЧИТ на вас сзади, вы поскользнетесь. А что вы еще можете предложить?

— Но кто это сделал? — спросил Ру.

Иа не ответил.

— Наверно, это был Тигра, — с тревогой сказал Пятачок.

— Слушай, Иа, — спросил Пух, — он шутил или он нарочно? Я хочу сказать...

— Я сам об этом все время спрашиваю, медвежонок Пух. Даже на самом дне реки я не переставал спрашивать себя: «Что это — дружеская шутка или обдуманное нападение?». И когда я всплыл на поверхность, я ответил себе: «Мокрое дело». Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

Тогда, чтобы отучить Тигру быть Выходкой, Кролик придумал еще один план. Кролик, Пух и Пятачок должны будут отвести Тигру в такое место в Лесу, где он никогда не был, и потерять его там. И тогда он станет Маленьким и Смирным Тигрой и больше не будет ни на кого насккивать. Да, слишком трудно для Ума, как сказал бы Иа, потому что, как оказалось, из-за Кролика потерялись все, включая и его самого. Точнее, все, кроме Тигры. Тигры не теряются, так уже повелось, даже в тумане в самой гуще Леса. И это оказалось очень Полезно.

Потому что, хотя Пух и Пятачок нашли дорогу спустя некоторое время...

— А где Кролик?

— Я не знаю, — сказал Пух.

— Да? Ну, я думаю, Тигра его найдет. Он, кажется, пошел всех вас искать.

— Хорошо, — сказал Пух. — Мне нужно идти домой, чтобы подкрепиться, и Пятачку тоже, потому что мы до сих пор не подкреплялись и...

— Я вас провожу, — сказал Кристофер Робин.

Он проводил Пуха домой и пробыл там очень немалое время.

И все это время Тигра носился по Лесу, громко рыча, чтобы скорее найти Кролика.

И, наконец, очень Маленький и Грустный Кролик услышал его. И этот Маленький и Грустный Кролик кинулся на голос сквозь туман, и голос неожиданно превратился в Тигру: в Доброго Тигру, в Большого Тигру, в Спасительного и Выручательного Тигру, в Тигру, который выскакивал — если он вообще выскакивал — гораздо лучше всех Тигров на свете.

— Милый Тигра, как же я рад тебя видеть! — закричал Кролик.

В сказке про Гадкого Утенка, когда Гадкий Утенок перестал считать себя Гадким? Когда понял, что он Лебедь. У каждого из нас внутри есть что-то Особенное, что-то вроде Лебедя. Но пока мы не поймем, что оно там есть, все, что мы можем делать — это расплескивать воду. Мудрые — Те, Кто Они Есть. Они используют то, что имеют, и делают то, что умеют.

Первое, что мы должны сделать, — осознать нашу Внутреннюю Природу и не терять ее из виду. Потому что внутри Гадкого Утенка спрятан Лебедь, внутри Наскакивающего Тигры есть Спасатель, который знает Путь, и внутри каждого из нас есть что-то Особенное, что мы обязательно должны сохранить.

Долгое время они глядели вниз на реку, ничего не говоря, и Река тоже ничего не говорила, потому что ей было очень спокойно и хорошо в этот солнечный полдень.

— Тигра, в общем, хороший — лениво сказал Пятачок.

— Конечно, — сказал Кристофер Робин.

— Вообще все мы хорошие, — сказал Пух. — Я так думаю, — добавил он. — Но я не уверен, что я прав.

— Конечно, ты прав, — сказал Кристофер Робин.

ПУТЬ ПУХА

К тому времени, когда речка добралась до края Леса, она очень выросла — выросла в настоящую Реку. И, сделавшись взрослой, она перестала прыгать, скакать и вертеться, как в начале, в детстве, а двигалась плавно и медленно. Ведь теперь она знала, куда идет, и говорила себе: «Спешить незачем. Когда-нибудь все там будем».

Теперь мы подошли к тому, что можно назвать самым характерным элементом Даосизма-в-действии, по-китайски — *У Вэй*. От также является самым характерным элементом Пуха-в-действии. В европейских языках этому понятию нет аналога, и, как нам кажется, сейчас самое время, чтобы кто-нибудь заметил его и придумал ему название. Поэтому давайте назовем его Путем Пуха.

Буквально, *У Вэй* значит «не действовать, не причинять, не делать». На практике это означает отсутствие ощущения своего действия. Интересно, что иероглиф *Вэй* произошел от символа, изображающего хватающую руку и обезьяну, а термин *У Вэй* означает: «не иди против природы вещей, не лезть во все со своими «умными» проектами, не Обезьянничать».

Сущность *У Вэй* подобна воде, текущей по камням — не тот механический прямолинейный подход, который обычно заканчивается насилием над естественными законами, а тот, который из внутренней чуткости перерастает в природный ритм вещей.

Возьмем для примера отрывок из работ Чжуан-цзы:

В ущелье Лу огромный водопад стремительно низвергается на тысячи футов. Облако брызг над ним видно на мили вокруг. В пенящихся водах внизу нет ни одного живого существа.

Однажды Кун Фу-цзы стоял недалеко от края воды. Вдруг он заметил старика, влекомого бешеным течением. Он позвал своих учеников, и вместе они поспешили на помощь несчастному. Когда они добежали до воды, старик уже выбрался на берег и шел, напевая на ходу.

Кун Фу-цзы поспешил к нему. «Ты, должно быть, дух, если тебе удалось пережить подобное, — сказал он. — Но ты кажешься обычным человеком. Скажи, какими скрытыми силами ты обладаешь?».

«Ничем особенным, — ответил старик. — Я начал учиться этому, будучи еще совсем молодым, и продолжал практиковаться, пока рос. Теперь у меня нет сомнений. Я погружаюсь с водой и всплываю с водой. Я следую ей и забываю себя. Я выживаю, потому что не борюсь с превосходящей силой воды. Вот и все.»

Когда мы научимся взаимодействовать с нашей Внутренней Природой и с естественными законами, действующими вокруг, мы

достигнем уровня *У Вэй*. Тогда мы сможем использовать естественный порядок вещей и действовать по принципу минимального усилия. Мир природы следует этому принципу — именно поэтому он не совершает ошибок. Ошибки совершаются — или воображаются — человеком, существом с перегруженными Мозгами, который лишает себя поддержки естественных законов, когда вмешивается во все или слишком напрягается.

Ничего общего с Пухом, самым *Ненапрягающимся* медведем из всех, которых мы когда-либо видели.

— Как тебе это удастся, Пух?

— Удастся что?

— Совсем не напрягаться.

— Я никогда ничего не *делаю*, — сказал Пух.

— Но все оказывается сделанным.

— Ну, это как бы просто случается, — сказал он.

— Подожди-ка. Это напоминает мне что-то из «Дао дэ цзина», — сказал я, доставая книгу. — Вот, глава тридцать семь. В переводе это звучит так: «Дао ничего не делает, но все оказывается сделанным».

— Похоже на Загадку, — сказал Пух.

— Это значит, что Дао ничего не принуждает и ничему не препятствует, а просто позволяет всему случаться естественным путем. Тогда все, что должно случиться, случается.

— А-а, понятно, — сказал Пух.

— По-китайски этот принцип называется *Вэй У Вэй* — «Делать Не Делая». Из *Вэй У Вэй* происходит *Цзы Жань*, «Таковость Вещей». Это означает, что вещи случаются сами по себе, спонтанно.

— А-а, понятно, — сказал Пух.

В качестве основного примера Пути Пуха давайте вспомним отрывок из «Дома на Пуховой Опушке», когда Винни Пух, Пятачок, Кролик и Крошка Ру играли в Пупалки. Они бросали палки с моста в реку и бежали на другую сторону моста посмотреть, чья палка выплывет первой. Они ждали уже довольно долго, когда из-под моста выплыл...

Иа. Иа?

— Я не знал, что ты тоже играешь, — сказал Крошка Ру.

— Я не играю, — ответил Иа.

— А что же ты там делаешь? — спросил Кролик.

— Угадай с трех раз, Кролик. Рою землю? Неправильно. Прыгаю по веткам молодого дуба? Нет, неправильно. Жду, чтобы кто-нибудь помог мне выбраться из реки? Теперь правильно! Дайте Кролику время подумать, и он всегда найдет ответ!

Затем у Пуха появилась идея. Они будут бросать в реку камни, камни поднимут волны, и эти волны прибьют Иа к берегу. Кролик решил, что это хорошая идея. У Иа было другое мнение.

— А вдруг мы случайно попадем в него? — тревожно спросил Пятачок.

— Или вдруг мы случайно *не попадем* в него! — сказал Иа. — Обдумай все возможные варианты, Пятачок, прежде чем вы начнете развлекаться.

Но Винни Пух уже притащил самый большой камень, какой только мог поднять, и склонился над водой, держа его в лапах.

— Я его не брошу, я его просто уроню, Иа, — объяснил он. — И тут уж я не промахнусь, то есть, я хочу сказать, не попаду в тебя. Ты не мог бы на минутку перестать вертеться, а то мне это немного мешает?

— Нет, — сказал Иа. — Мне *нравится* вертеться.

Кролик почувствовал, что пора ему взять командование на себя.

— Ну, Пух, — сказал он, — когда я скажу «Давай!», ты можешь бросать камень. Иа, когда я скажу «Давай!», Пух бросит камень.

— Большое тебе спасибо, Кролик, но я полагаю, что я это узнаю и без тебя.

— Пух, ты готов? Пятачок, отойди немного от Пуха, ты ему мешаешь. Ру, чуть-чуть назад. Все готовы?

— Нет, — сказал Иа.

— *Давай!* — крикнул Кролик.

Пух отпустил камень. Раздался громкий всплеск, и Иа исчез...

Момент был волнующий, особенно для наблюдателей на мосту. Они глядели во все глаза... И даже вид палочки Пятачка, которая выплывала чуть-чуть впереди Кроличьей палочки, не так развеселил их, как вы могли бы ожидать. А потом — как раз в тот самый момент, когда Пух уже начал думать, что, наверное, он выбрал неправильный камень или неправильную реку, или неправильный день для своей Идеи, — что-то серое появилось на прибрежной отмели...

Постепенно оно становилось все больше и больше... и наконец стало ясно, что это Иа, который выходит из воды.

С дружным воплем все кинулись с моста; и тащили, и тянули, и подталкивали Иа, и вскоре он уже стоял среди них на сухой земле.

— Ой, Иа, до чего же ты мокрый! — сказал Пятачок, пощупав его.

Иа отряхнулся и попросил кого-нибудь объяснить Пятачку, что происходит, когда вы находитесь в воде довольно долгое время.

— Молодец, Пух! — великодушно сказал Кролик. — Да, нам с тобой пришла в голову неплохая Идея!

Ну вот, все заслуги, как обычно, достаются Разуму. Но на самом деле совсем не Изобретательный Ум приносит удачу. Удача приходит благодаря уму, который видит вещи такими, какие они есть, и следует их природе.

Когда вы практикуете *У Вэй*, все получается легко, как бы само собой. Круглые колышки — в круглые отверстия, квадратные колышки — в квадратные отверстия. Ни стресса, ни борьбы. Эгоистичные Желания пытаются запихнуть круглые колышки в квадратные отверстия, а квадратные колышки — в круглые отверстия. Разум старается изобрести хитрый способ затолкать колышки в несоответствующие им дыры. Знание бьется над проблемой: почему круглые колышки легко проходят в круглые отверстия, а в квадратные почему-то нет. *У Вэй* не напрягается по этому поводу. Он об этом не размышляет. Он просто это делает. И когда он что-то делает, кажется, что он не делает ничего. Но Все Оказывается Сделанным.

— Какие-то проблемы, Пятачок?

— У этой банки крышка не открывается, — просипел Пятачок, задыхаясь от натуги.

— Да, она-а... и правда застряла. Ну-ка, Пух, попробуй ты открыть. (Чпок!)

— Спасибо, Пух, — сказал Пятачок.

— Не за что, — сказал Пух.

— Как это ты открыл эту крышку? — спросил Тигра.

— Легко, — сказал Пух. — Просто крутишь ее вот так, пока не почувствуешь, что дальше она не вертится. Потом надо глубоко вздохнуть и — тянешь вверх. Вот и все.

— Дайте я попробую! — заорал Тигра, заскакивая на кухню. — Где новая банка маринованных огурцов? А, вот она!

— Тигра, — сказал Пятачок, немного нервничая. — Ты бы лучше не...

— Да, ерунда! — сказал Тигра. — Просто крутишь и...

(БАБАХ!)

— Так, Тигра, — сказал я. — Собери-ка с пола все огурцы.

— Да она просто выскользнула у меня из рук, — оправдывался Тигра.

— Он слишком сильно напрягся, — сказал Пух.

А когда напрягаешься слишком сильно, ничего не выходит. Попробуйте быстро схватить что-нибудь напряженной рукой; затем расслабьтесь и попробуйте еще раз. Попробуйте сделать что-то, когда ваш ум напряжен. Самый верный способ стать Напряженным, Нервным и *Конфузящимся* — это развить ум, который слишком много напрягается, то есть такой ум, который слишком много думает. Звери в Лесу не думают много, они просто Живут. Но о подавляющем количестве людей можно сказать, перефразируя одного Западного философа: «Я думаю, следовательно меня *Конфузит*». Если сравнить Город с Лесом, может возникнуть вопрос: как случилось, что человек стал считать себя Высшим Существом.

— Высшим по отношению к чему? — спросил Пух.

— Я не знаю, Пух. Я пробовал придумать хоть *что-нибудь*, но у меня просто ничего не вышло.

— Если бы люди были Высшими по отношению к Животным, они бы лучше заботились о мире, — сказал Пух.

— Это точно, — сказал я.

Но шли века, и человек развил в себе ум, который отдалял его от реальности, от мира естественных законов. Этот ум слишком сильно напрягается, изнашивает сам себя и в итоге становится слабым и неряшливым. Такой ум, даже если он высоко интеллектуален, не эффективен. Он мечется туда-сюда, суетится и никак не может сконцентрироваться на том, чем он занят в данную минуту. Он несется по улице в гоночном автомобиле и думает, что стоит у прилавка магазина, выбирая овощи. А потом удивляется, как могла произойти авария!

Когда вы практикуете *У Вэй*, вы не попадаете в настоящие аварии. Иногда происходящее с вами может показаться немного странным, но все заканчивается хорошо. Вам не нужно сильно напрягаться, чтобы все удалось; вы просто позволяете всему удаваться. Для примера, давайте вспомним Поиски Крошки. Крошка (это, как нам сказали, сокращение от Крошка Букашка) однажды исчез по дороге через чертополох. Никто не знает, что произошло.

Поэтому был организован Поиск, и вскоре все усердно старались найти Крошку. Все, разумеется, были собраны под руководством Кролика. Все, разумеется, кроме Пуха.

— Ой! — пропищал кто-то.

— Вот забавно, — подумал Пух. — Я сказал «Ой!», даже не ойкнув на самом деле.

— Помогите! — произнес маленький, тоненький голосок.

— Это опять я, — подумал Пух. — Со мной случился Несчастный Случай, я упал в колодец, и мой голос стал писклявым и слышится еще до того, как я успеваю что-нибудь сказать, потому что я что-то с собой сделал где-то внутри. Вот беда!

— Помогите! Помогите!

— Вот опять! Я говорю, когда даже не пытаюсь что-нибудь сказать. Должно быть, это очень тяжелый Несчастный Случай.

И затем он вдруг подумал, что а вдруг, если он теперь захочет что-нибудь сказать, то не сможет, поэтому, чтобы убедиться, он громко произнес:

— Очень Тяжелый Несчастный Случай с Медвежонком Пухом.

— Пух! — запищал голос.

— Это Пятачок! — радостно крикнул Пух. — Где ты?

— Внизу, — сказал Пятачок откуда-то снизу.

— Внизу чего?

И вот, когда *это* выяснилось...

— Пух, — крикнул он. — Что-то ползает по твоей спине.

— Я так и думал, — сказал Пух.

— Это Крошка! — закричал Пятачок.

Те, кто следует Пути Пуха, обнаруживают, что такие вещи происходят с ними постоянно. Это трудно объяснить, кроме как на примере, но это так и есть. Все просто происходит так, как надо и в

нужное время. По крайней мере, все так и происходит, если вы *позволяете* этому происходить, если вы взаимодействуете с обстоятельствами, вместо того, чтобы говорить: «Так быть не должно», и пытаться все изменить. Если вы в гармонии с Тем, Как Все Происходит, то все происходит именно так, как надо, не важно, что вы об этом думаете. Со временем, вы можете оглянуться и сказать: «О! Теперь я понимаю. Это должно было произойти, чтобы *то* могло случиться, а то должно было случиться, чтобы *это* могло произойти...» И тогда вы понимаете, что даже если бы вы старались сделать все как можно лучше, вряд ли вышло бы лучше, а если бы вы *очень* старались, вышло бы черт-те что.

Возьмем другой пример Того, Как Все Удастся: день рождения Иа, устроенный Пухом и Пятачком.

Пух вспомнил, правда, после того, как Иа сообщил ему это, что это был день рождения Иа. Тогда Пух решил что-нибудь ему подарить. Он отправился домой за горшочком меда, решив, что это неплохой подарок, и рассказал все Пятачку. Пятачок решил подарить Иа воздушный шарик, который у него сохранился еще с прошлого дня рождения. Когда Пятачок поспешил за шариком, Пух пошел к Иа с горшочком меда.

Но вскоре он проголодался.

Он сел на землю и снял крышку со своего горшка.

— Как хорошо, что я взял его с собой, — сказал он. — Немало медведей в такой жаркий день и не подумали бы захватить с собой то, чем можно немножко подкрепиться!

И начал есть.

— А теперь подумаем, — сказал он, в последний раз облизав донышко горшка, — подумаем, куда же это я собирался идти. Ах да, к Иа.

Винни Пух не спеша встал. И тут он вдруг все вспомнил. Он же съел Подарок!

Ну, во всяком случае, его большую часть. К счастью, у него все еще оставался *горшочек*. И раз уж он был недалеко от дома Совы, он решил зайти к ней и попросить ее написать на горшочке: «Поздравляю с днем рождения». В конце концов, это *был* очень хорошенький горшочек, даже без содержимого.

Тем временем Пятачок успел сбегать к себе домой и, захватив воздушный шарик для Иа, понесся во весь дух, крепко прижимая шар к груди, чтобы его не унесло ветром. Пятачок ужасно спешил, чтобы поспеть к Иа раньше Пуха; ему хотелось первым преподнести ослику подарок, как будто он, Пятачок, сам вспомнил про его день рождения, без всякой подсказки. Он так спешил и так задумался о том, как Иа обрадуется подарку, что совсем не глядел себе под ноги... И вдруг его нога попала в кроличью норку, и бедный Пятачок полетел носом вниз:

БУМ!!!!???!!!

Да, после того, как Пятачок упал на воздушный шарик Иа, тот стал... ну, он стал похож... ну, в общем он стал...

— Воздушный шар? — сказал Иа. — Ты сказал — воздушный шар? Это такие большие, красивые, яркие, их еще надувают? Песни-пляски, веселье, гоп-гоп-гоп и тру-ля-ля?

— Ну да, но только... понимаешь... я очень огорчен... понимаешь... когда я бежал, чтобы поскорее принести тебе его, я упал.

— Ай-ай, как жаль! Ты, наверное, слишком быстро бежал. Я надеюсь, ты не ушибся, маленький Пятачок?

— Нет, спасибо, но он... он... Ох, Иа, он лопнул...

Наступило очень долгое молчание.

— Мой шарик? — наконец спросил Иа.

Пятачок кивнул.

— Мой подарок на день рождения?

— Да, Иа, — сказал Пятачок, слегка всхлипывая. — Вот он. Поздравляю тебя с днем рождения.

И подал Иа резиновую тряпочку.

— Это он? — спросил Иа, очень удивленный.

Пятачок кивнул.

— Мой подарок?

Пятачок снова кивнул.

— Шарик?

И тут прибыл Пух.

— Я принес тебе подарочек, — радостно сказал Пух.

— У меня уже есть подарочек, — ответил Иа.

Тем временем Пух перебрался через ручей и подошел к Иа. Пятачок сидел немного поодаль, закрыв мордочку лапками и хлюпая носом.

— Вот он, — объявил Пух. — Это — Очень Полезный Горшок. А на нем знаешь, что написано? «Поздравляю с днем рождения, желаю счастья в личной жизни. Пух». Вот сколько всего написано! И в него можешь класть что хочешь. Держи.

Потом Иа обнаружил, что, поскольку его воздушный шар больше не был таким большим, как Пятачок, его легко можно было положить в Полезный Горшок и вынуть, когда он был нужен, чего нельзя сделать с обычным Громоздким Шаром...

— Мне очень приятно, — радостно сказал Пух, — что я догадался подарить тебе Полезный Горшок, куда можно класть какие хочешь вещи!

— А мне очень приятно, — радостно сказал Пятачок, — что я догадался подарить тебе такую вещь, которую можно класть в этот Полезный Горшок!

Но Иа ничего не слышал. Ему было не до того: он то клал свой шар в горшок, то вынимал его обратно, и видно было, что он совершенно счастлив...

Итак, все удалось.

На своем высочайшем уровне *У Вэй* действует необъяснимо и незаметно, поскольку становится рефлекторным действием. По словам Чжуан-цзы, ум *У Вэй* «течет, как вода, отражает, как зеркало и отвечает, как эхо».

Прямо как Пух.

— Эй! Я говорю: «Прямо, как Пух».

— Ч-ч-что? — сказал Пух, вдруг проснувшись и свалившись со стула. — Что как кто?

— Что течет, как вода, отражает, как зеркало и отвечает, как эхо?

— О! Загадка! — сказал Пух. — Сколько у меня попыток?

— Ну, не знаю. Ты начни, а там посмотрим.

— Что бы это могло быть? — бубнил он. — Течет, как вода...

Практикуя *У Вэй*, вы следуете обстоятельствам и прислушиваетесь к своей интуиции. «Сейчас не время для этого. Лучше я сделаю по-другому». Вот, примерно так. Когда вы поступаете подобным образом,

люди говорят, что у вас шестое чувство или что-то вроде того. А на самом деле это просто Чувствительность к Обстоятельствам. Это совершенно естественно. Странно другое — когда вы не прислушиваетесь к голосу интуиции.

Самое удобное в этой Чувствительности к Обстоятельствам то, что вам не нужно принимать так много трудных решений. Наоборот, вы можете позволить им решаться самим.

Например, в «Домике на Пуховой Опушке» Пух однажды слонялся вокруг, пытаясь решить, к кому он хочет пойти в гости. Он мог бы навестить Иа, которого он не навещал со вчерашнего дня, или Сову, которую он не навещал с позавчерашнего дня, или Кунгу, Ру и Тигру, которых он уже тоже долго не навещал. Как же он решил? Он сел на камень посреди реки и спел песенку. Затем он встал, еще немного послонялся, думая о том, чтобы навестить Кролика, пока не обнаружил, что стоит перед собственным домом. Он зашел, что-то перекусил и пошел в гости к Пятачку.

Вот как все получается, если следовать Пути Пуха. Никаких усилий. Ни стресса, ни неприятностей. А сейчас...

— Поток? — спросил Пух.

— Что?

— Ответ. *Поток* течет, как вода, отражает, как зеркало...

— Но он не отвечает, как эхо, — сказал я.

— Да, не отвечает, — сказал Пух.

— Ну, ты уже близко. Почти. Как мне кажется.

— Дай мне еще подумать, — сказал Пух.

Подход *У Вэй* к разрешению конфликтов можно наблюдать в практике даосского боевого искусства *Тай-цзи цюань*, сутью которого является изматывание противника, либо используя его же собственную энергию атаки, либо отклоняя ее в сторону, чтобы ослабить его силу, нарушить равновесие и защитную стойку. Сила никогда не противопоставляется силе, наоборот, она преодолевается мягкостью.

— Течет, как вода, отражает, как зеркало... — бубнил Пух, проходя мимо.

— Пух, ты слишком много думаешь, — сказал я. — Я дам тебе подсказку, может, с ней ты быстрее догадаешься.

— Надеюсь, — сказал Пух. — А то это уже начинает мне надоедать.

— Ну, ладно. Чтобы отгадать загадку, тебе надо позволить своему уму *течь* свободно и *отражать* все, что он видит. Тогда он сможет *отвечать* на любой вопрос. Понятно?

— Нет, — сказал Пух.

— Ну что ж.

— Так-так-так — течет, как вода... — пробормотал Пух.

Принцип *У Вэй* в контексте *Тай-цзи цюань* легко понять, если попытаться ударить кусок пенопласта, плавающий на воде. Чем сильнее вы бьете, тем глубже он погружается; чем глубже он погружается, тем сильнее он выскакивает обратно. Без каких-либо затрат энергии кусок пенопласта может совершенно вас вымотать. Таким образом, *У Вэй* преодолевает силу, нейтрализуя ее энергию, вместо того, чтобы усиливать конфликт. Используя другие методы, вы будете тушить огонь огнем, используя *У Вэй*, вы будете тушить огонь водой.

— Я знаю, — сказал Пух. — Кусок пенопласта!

— Что кусок пенопласта?

— Отвечает, как эхо! — сказал он торжествующе.

— Но он не течет, как вода и не отражает, как зеркало, — сказал я.

— Ох, — сказал Пух. — И правда.

— Ладно, лучше я тебе сам скажу, — сказал я. — Это Путь Пуха.

— Что *это*?

— Ответ, — сказал я.

— А-а, — сказал Пух.

— Это плохая загадка, — добавил он.

— Хорошо, тогда *ты* загадай что-нибудь.

— С удовольствием. Что черное, белое и красное одновременно?

— Нет, только не *эту*!

— Ты что, ее знаешь? — сказал Пух, слегка удивленно.

— Конечно. Старо как мир. Все знают ответ — это газета.

— А вот и нет, — сказал Пух.

— Смущенная зебра?

— Нет.

— Ну, тогда...

— Сдаешься? — спросил Пух с надеждой.
— Ладно, сдаюсь. Что черное, белое и красное одновременно?
— Обгоревший на солнце пингвин.
— Пух, это глупо.
— Лучше, чем твоя, — сказал он.
— Ну, тогда еще одна. Она относится к противоположности Пути Пуха. Что носится кругом целый день без всякого результата?
— Кролик? — сказал Пух.
— Ну, *почти*.
— А, я знаю. Это...

Но мы оставим *это* для следующей главы.

ЩАСВИРНУС

Кролик неся по опушке Дремучего Леса, с каждой минутой все больше чувствуя важность своей задачи, и наконец он прибежал к дереву, в котором жил Кристофер Робин.

Он постучал в дверь.

Он два раза окликнул Кристофера Робина.

Потом он отошел немного назад и, заслонив лапкой глаза от солнца, закричал так, что его стало слышно на вершине дерева.

Потом он зашел с другой сторона и опять покричал: «Эй!» и «Слышишь?» и «Это Кролик!», но ничего не произошло. Тогда он замолчал и прислушался, и все замолчало и прислушалось вместе с ним, и в освещенном солнцем лесу стало тихо-тихо, и потом вдруг где-то в невообразимой вышине запел жаворонок.

— Обидно, — сказал Кролик, — он ушел.

Он снова повернулся к зеленой двери, просто так, для порядка, и уже собирался идти, чувствуя, что утро совершенно испорчено, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка; очевидно, он упал с двери.

— Ага, — сказал Кролик, снова приходя в хорошее настроение. — Мне опять письмо!

Вот что там говорилось:

АТАШОЛ

ЩАСВИРНУС

ЗАНИТ

ЩАСВИРНУС

К.Р.

Кролик не знал, кто такой Щасвирнус — несмотря на то, что он сам такой же — поэтому он пошел спрашивать Сову. Сова тоже не знала. Но мне кажется, *мы* знаем. И еще мне кажется, много других людей тоже знают. Чжуан-цзы очень точно описал одного такого:

Жил-был человек, который не любил смотреть на свои следы и свою тень. Он решил сбежать от них и побежал. Но чем дальше он бежал, тем больше следов появлялось, а его тень не отставала от него ни на шаг. Думая, что он бежит слишком медленно, человек стал бежать все быстрее и быстрее, пока, наконец, не упал от истощения и не умер.

Если бы он оставался на месте, следов не было бы совсем. Если бы он отдыхал в тени, его тень исчезла бы.

Кажется, они встречаются везде, куда бы вы не пошли. Практически в любой солнечный день можно заметить стада пылящих Щасвирнусов, ломанувших через парк. Скажем, вы наслаждаетесь пикником на мягкой зеленой травке и вдруг, подняв глаза, обнаруживаете, что парочка из них только что затоптала ваш ланч.

Хотя, в основном, вы в безопасности среди деревьев и травы, так как Щасвирнусы их избегают. Вместо этого они предпочитают тащиться по асфальту и бетону, подражая тем недолговечным транспортным машинам, для которых эти жесткие поверхности и были сконструированы. Вдыхая ядовитые выхлопные газы от автомобилей, которые уворачиваются, чтобы их не сбить, Щасвирнусы заводят друг с другом болтовню о том, насколько лучше они себя чувствуют сейчас, выйдя на Свежий Воздух. И это у них называется Естественный Образ Жизни.

Щасвирнус всегда отчаянно активен. Если спросить у него про его хобби, он выдаст вам целый список спортивных занятий, вот, например:

— Прыжки с парашютом, теннис, бег трусцой, бадминтон, катание на лыжах, плавание и водные лыжи.

— И все?

— Ну, (отдуваясь, сопя и пыхтя) *наверно* все, — говорит Щасвирнус.

— А пробовал когда-нибудь устраивать гонки на машинах?

— Нет, я... нет, не пробовал.

— А как насчет схваток с аллигаторами?

— Нет... Но всегда хотел этим заняться.

— А вниз по лестнице на роликах?

— Нет, как-то не подумал.

— Но ты же сказал, что ты *активен*.

Тут Щасвирнус задумчиво произносит:

— Слушай, ты думаешь, что... со мной что-то нет так? Наверное, я теряю энергию.

Еще немного — и так оно и будет.

Щасвирнус-атлет — одна из многих типичных разновидностей — занят своей физической формой, как он выражается. Но по какой-то непонятной причине он рассматривает ее как нечто, что нужно долбить снаружи, а не выстраивать изнутри. Поэтому он путает физические упражнения с *работой*. Он работает на работе, он работает во время физических упражнений и даже, что случается довольно часто, он работает, когда играет. Работать, работать и еще раз работать! Столько работы и полное отсутствие игры превращают Щасвирнуса в скучнейшего парня. А если это продолжается достаточно долго, он становится трупом.

А вот и Кролик.

— Привет, Кролик. Что нового?

— Я только что от Совы, — сказал Кролик, слегка запыхавшись.

— Вот как? Тебя не было довольно долго.

— Да, в общем... Сова настояла на том, чтобы рассказать мне историю ее Великого Дяди Филберта.

— Ах, вот в чем дело!

— И кстати, Сова сказала, что тоже не видела Неотесанное Бревно, но что Ру, вероятно, с ним играет. Поэтому я забежал к Кенге, но никого не оказалось дома.

— Они в Лесу с Тигрой, тренируют прыжки, — сказал я.

— А, ну ладно, тогда я побегу, пожалуй.

— Тебе не обязательно уходить прямо сей...

Куда он помчался? Вот так всегда! Ни минуты покоя для Щасвирнуса.

Скажем так: Если хочешь быть здоровым, спокойным и довольным, просто смотри, что делает Щасвирнус, и делай наоборот. А вот еще один, ходит взад-вперед, нервно перебирая монеты в кармане и без конца поглядывая на часы. Он утомляет вас, даже когда вы просто смотрите на него. Хронический Щасвирнус, кажется, всегда должен куда-то спешить, по крайней мере на поверхностном, физическом уровне. Однако он никогда не ходит гулять, у него нет на это времени.

— Но беседа не состоялась, — сказал Иа. — Не было обмена мнениями. Ты сказал «Привет!» и помчался дальше. Пока я обдумывал свою реплику, твой хвост мелькнул шагов за сто отсюда на холме. Я хотел было сказать «Что? Что?» — но понял, конечно, что уже поздно.

— Ну, я очень спешил.

— Должен сперва говорить один, потом другой, — продолжал Иа. — По порядку. Иначе это нельзя назвать беседой. «Привет!» — «Что? Что?». На мой взгляд, такой обмен репликами ничего не дает. Особенно если когда приходит ваша очередь говорить, вы видите только хвост собеседника. И то еле-еле.

Щасвирнус, кажется, всегда В Бегах, всегда:

ОТОШЕЛ

СЕЙЧАС ВЕРНУСЬ

ЗАНЯТ

СЕЙЧАС ВЕРНУСЬ

или точнее:

ОТОЙДИ

СЕЙЧАС СКОНЧАЮСЬ

ТАК ЗАНЯТ

СЕЙЧАС СЛОМАЮСЬ

Щасвирнус всегда куда-то торопится — туда, где он еще не был. Куда угодно, лишь бы не туда, где он сейчас.

— Вот то-то и оно, — сказал Кролик. — Куда?

— Ну, может быть, он ищет что-нибудь?

— Что? — спросил Кролик.

— Я как раз собирался это сказать, — сказал Пух. Потом он добавил: — Ну, может быть, он ищет этого... этого...

Может быть, он ищет награды? Религии, науки и правила бизнеса наших Щасвирнусов изо всех сил пытаются убедить нас, что где-то там нас ожидает Великая Награда, и что всю свою жизнь мы должны работать, как ненормальные, чтобы заслужить ее. Будь она высоко в небе, или за очередной молекулой, или в кабинете начальника, она, почему-то, всегда остается на некотором расстоянии — на другом конце улицы, в другой части света, на обратной стороне луны, в иной галактике...

— Ой-ой-ой! — крикнул Пух, рухнув на пол.

— Вот что случается, когда засыпаешь на краешке стола, — сказал я. — Ты падаешь вниз.

— Это точно, — сказал Пух.

— А почему? — спросил я.

— Мне приснился ужасный сон, — сказал он.

— Да ну?

— Да. Я нашел бочку меда... — сказал он, протирая глаза.

— И что в этом такого ужасного? — спросил я.

— Она двигалась, — сказал Пух. — Это неправильно. Бочки с медом должны стоять на месте.

— Да, я знаю.

— Но как только я протягивал к ней лапу, она оказывалась где-то еще.

— Кошмар, — сказал я.

— Многим снятся кошмары, — добавил я ободряюще.

— Да-а? — сказал Пух. — Про Недосыгаемую бочку меда?

— Что-то вроде, — сказал я. — Это обычное явление. Странно то, что некоторые так *живут*.

— Почему? — спросил Пух.

— Я не знаю, — сказал я. — Наверное, потому что так они могут Что-то Делать.

— Звучит совсем не весело, — сказал Пух.

Да уж, совсем не весело. Жизнь, все время обещающая: «За тем поворотом, еще один шаг», идет против естественного порядка вещей, и поэтому становится так трудно быть счастливым и хорошим,

что только некоторым удастся попасть туда, где бы они естественно оказались первым делом — к Счастью и Благополучию — в то время как остальные сдаются и падают у обочины, проклиная мир, который ни в чем не виноват, а наоборот, существует для того, чтобы указывать путь.

У тех, кто думает, что награда находится где-то за облаками...

— Всегда убегает молоко, — сказал Пух.

— Что-что?

— У них всегда убегает молоко, — сказал Пух.

— Э-э... да. И не только это...

— А вот и Кролик, — сказал Пух.

— Ах, вот вы где! — сказал Кролик.

— Мы здесь, — сказал Пух.

— Да, мы здесь, — сказал я.

— А *ты* там, — сказал Пух.

— Да, я здесь, — сказал Кролик нетерпеливо. — Прямо к делу. — Ру показал мне свой набор деревянных кубиков. Они все обтесанные и раскрашенные, и на них есть буквы.

— Вот как? — сказал я.

— В общем-то, я так и *предполагал*, — сказал Кролик, задумчиво теребя ус. — Итак, применяя метод исключения, получаем, что оно у Иа.

— Но, Кролик, — сказал я, — видишь ли...

— Да, — сказал Кролик. — Я увижу Иа и выясню, что он знает об этом — это, очевидно, следующий шаг.

— Уже уискал, — сказал Пух.

Оглядываясь на несколько лет назад, мы видим, что первые Щасвирнусы в Америке, Пуритане, практически заработались до смерти, не получая ничего в награду за свои громадные усилия. Они фактически умирали от голода, пока мудрые обитатели этой земли не научили их некоторым вещам, позволяющим работать в гармонии с ритмами земли. Сейчас ты сажаешь растения; сейчас ты отдыхаешь. Сейчас ты обрабатываешь почву; сейчас ты оставляешь ее в покое. Пуритане никогда по-настоящему не понимали вторую часть, никогда в нее не верили. И вот, спустя два-три столетия насилия над когда-то изобильной землей и несколько лет опустошающего воздействия

синтетических стимуляторов, мы получили яблоки со вкусом картона, апельсины со вкусом теннисных мячей и персики со вкусом подслащенного пенопласта — продукты земли, которой не позволяют отдыхать. Мы не должны жаловаться, но Это Так.

— Слушай, Пух, а почему *ты* ничем не занят? — сказал я.

— Потому что сегодня такой замечательный день, — сказал Пух.

— Да, но...

— Так зачем его портить? — сказал он.

— Но ты мог бы сделать что-то Важное, — сказал я.

— Я делаю, — сказал Пух.

— Да? Делаешь что?

— Слушаю, — сказал он.

— Слушаешь что?

— Слушаю птиц. И еще белку вон там.

— И что они говорят? — спросил я.

— Что сегодня замечательный день, — сказал Пух.

— Но ведь ты и так уже это знаешь, — сказал я.

— Да, но всегда приятно слышать. что кто-то еще думает также, — ответил он.

— Но ты бы мог вместо этого получать Образование, слушая Радио, — сказал я.

— Даже так?

— Конечно. А как еще ты узнаешь, что делается в мире? — сказал я.

— Выйду на улицу, — сказал Пух.

— Э-э... ну ладно... (Щелк) А теперь послушай вот это, Пух.

— *Тридцать тысяч человек погибло сегодня, когда пять воздушных лайнеров столкнулись над центральной частью Лос-Анджелеса...* — произнесло Радио.

— И что ты узнал о мире из *этого*? — спросил Пух.

— Хм. Ты прав. (Щелк)

— А сейчас что говорят птицы? — спросил я.

— Что сегодня замечательный день, — сказал Пух.

Так оно и есть, даже если Щасвирнусы слишком заняты, чтобы наслаждаться им. И в завершение нашего объяснения такой занятости...

Твердолобые последователи вышеупомянутой религии Вечно-Занятых-Противников-Вечеринок не смогли понять красоту безбрежного леса и хрустальных вод, возникших перед ними на изумрудно-зеленом континенте Нового Света. Вместо этого они восприняли этот земной рай и людей, живущих в гармонии с ним, как что-то чужое и угрожающее, что-то, на что нужно напасть и завоевать, потому что оно стоит на пути к Великой Награде. А еще они совсем не любили петь...

— Что? — сказал Пух. — Совсем не пели?

— Пух, я пытаюсь закончить мысль. А в общем, ты прав. Совсем не пели. Они не любили петь.

— Так-так. Если они не любили петь, тогда как они относились к Медведям?

— Мне кажется, они их тоже не любили.

— Они не любили *Медведей*?

— Нет. Во всяком случае, не очень.

— Ни песен, ни Медведей... А что же они тогда любили?

— Я не думаю, что они хоть что-нибудь любили, Пух.

— Неудивительно, что здесь все так запутано — сплошной *Конфуз*, — сказал он.

Так вот, за Несчастливым Пуританином пришел Неутомимый Пионер, а за ним — Одинокый Ковбой, всегда скачущий на закат, всегда ищущий чего-то. От таких вот неприкаянных, вечно недовольных предков произошел Щасwirнус, который, как и его праотцы, никогда по-настоящему не чувствовал себя дома на этой Дружелюбной Земле. Неподатливый агрессивный фанатик Щасwirнус просто слишком суров к себе, слишком суров к другим и слишком суров к миру, который героически пытается выжить, несмотря на то, что с ним творят.

Поэтому неудивительно, что Щасwirнус представляет себе прогресс как борьбу и преодоление. Таков уж склад его ума. Настоящий же прогресс предполагает рост и развитие, неизбежно связанные с внутренними изменениями, но косному Щасwirнусу это чуждо. Стремление к росту и развитию, присутствующее во всех формах жизни, толкуется извращенным умом Щасwirнуса как необходимость бесконечной борьбы за изменение всего (Трактор-

Щасвирнус) и всех (Фанатик-Щасвирнус), *исключая* его самого, а также как необходимость совать свой нос в чужие дела, включая практически все формы жизни на земле. Более мудрые люди несколько сдерживали его поведение. Но, как и родители сверхактивных детей, мудрые обнаружили, что они не могут находиться во всех местах сразу. Нянчиться со Щасвирнусом тяжело до смерти.

— А вот снова Кролик, — сказал Пух, — и еще Иа.

— А, Кролик, — сказал я.

— И еще Иа, — сказал Иа.

— Я спросил Иа... — начал Кролик.

— Иа — это я, — сказал Иа.

— Да, я помню, — сказал я. — Я видел тебя прошлым летом, где-то на Болоте.

— На *Болоте*? — сказал Иа с негодованием. — Это не Болото. Это *Топь*.

— Топь, болото...

— А что такое Топь, — спросил Пух.

— Если у тебя промокли лодыжки — это Топь, — сказал Иа.

— А-а, понятно, — сказал Пух.

— А если, — продолжал Иа, — если ты увязаешь по горло, это Болото.

— Болото, как же, — добавил он горько. — Ха!

— Так вот, я спросил Иа, — сказал Кролик, — и он сказал, что не имеет ни малейшего представления, о чем идет речь.

— По-видимому, ни я один, — вставил Иа. — Ты тоже не имеешь ни малейшего представления. Ясно как день.

— Что же такое Неотесанное Бревно? — спросил Кролик.

— Это я, — сказал Пух.

— *Ты*? — сказал Иа. — И я проделал весь этот путь сюда...

— Из Болота, — помог я.

— ... из Топи, только чтоб увидеть Пуха?

— Почему бы и нет? — спросил Пух.

— Подходящая вещь для Кролика, чтобы было чем заняться, — сказал Иа саркастически. — Лучше не придумашь!

Так вот, одна вещь кажется нам несколько странной: почему, интересно, Общество Щасвирнусов, которое так боготворит энергию молодости, ее внешний облик и отношение к жизни, не придумало до сих пор ни одного эффективного способа их сохранения? И прямым тому доказательством служит все большая готовность положиться на неестественный Фальшивый Фасад — сомнительную помощь косметики и пластической хирургии. Напротив, оно изобрело бесчисленные способы того, как разрушить и уничтожить молодость. Те вредоносные действия, которые не являются частью поиска Великой Награды, объединяются по-видимому, под общим заголовком Экономии Времени.

Примером последнего может служить классический памятник Щасвирнусу: Стойка с Гамбургерами.

В Китае есть Чайный Дом. Во Франции — Придорожное Кафе. Практически в любой цивилизованной стране мира существует что-то подобное — место, куда люди приходят поесть, расслабиться и поговорить, не беспокоясь о том, сколько уже времени, и о том, что надо уходить, как только еда будет съедена. В Китае, например, Чайный Дом — это настоящее социальное учреждение. В любое время дня семьи, соседи и друзья заходят сюда, чтобы выпить чаю и перекусить. И они остаются здесь столько, сколько им хочется. Разговоры могут длиться часами. Было бы довольно странно назвать Чайный Дом непривилегированным соседским социальным клубом — звучит слишком уж по западному. Но так можно грубо описать часть его функций, по крайней мере с нашей склонной к классификациям точки зрения. «Ты чего-то стоишь. Расслабься и наслаждайся.» Таково послание Чайного Дома.

А каково послание Стойки с Гамбургерами? Очевидно таково: «Ты не в счет; поторапливайся.»

И не только это. Теперь каждый знает, что ужасная Стойка с Гамбургерами — это еще и надругательство над здоровьем посетителя. К сожалению, это не единственная вещь, поддерживаемая духом Экономии Времени. В список можно добавить Супермаркет, Микроволновую Печь, Атомную Электростанцию, Ядохимикаты и т.д.

Рассуждая логично, если бы все эти устройства для экономии времени его действительно сэкономили, у нас сейчас было бы времени больше, чем когда-либо за всю историю человечества. Но, как ни странно, у нас, кажется, времени меньше, чем даже пару лет назад. Как здорово на самом деле отправиться туда, где нет никаких экономящих время устройств, потому что когда вы туда попадаете, вы вдруг обнаруживаете, что у вас полно времени! В противном случае, вы слишком заняты, зарабатывая на машины для экономии вашего времени, которые должны позволить вам не работать так много.

Основная проблема с этой навязчивой идеей Экономии Времени очень проста: вы не можете *экономить* время. Вы можете только тратить его. Тратить умно или глупо. У Щасвирнуса, практически, нет времени вообще, потому что он слишком занят, тратя все время на попытки его же сэкономить. И пытаясь экономить каждую секунду, он заканчивает тем, что растрчивает все целиком.

Генри Дэйвид Торо так описал это в «Уолдене»:

Почему мы должны жить в такой спешке и разбазаривании жизни? Мы полны решимости умереть от голода еще до того, как захотим есть. Люди говорят, что один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти, поэтому они делают тысячу стежков сегодня, чтобы завтра сэкономить девять тысяч.

Чтобы усилить контраст с разрушающим молодость Обществом Щасвирнусов, давайте вернемся ненадолго к даосизму. Одна из наиболее интригующих вещей в даосизме заключается в том, что он почитает не только старость и мудрость, но также и образ, называемый Нестареющий Бессмертный. Даосская традиция содержит немало захватывающих историй (выдумок) и рассказов (реальных фактов, приукрашенных, или наоборот) о тех, кто еще молодым раскрыл Секреты Жизни. И несмотря на то, что достигали они этого разными путями, результат был всегда один и тот же: долгая жизнь с внешностью, бодростью и энергией молодости.

Поэтому Даосские Бессмертные всех возрастов традиционно известны за свое молодое поведение, внешний вид и энергию. И это было не простым совпадением, а результатом даосских практик. В течении столетий в Китае средняя продолжительность жизни

составляла не более сорока лет, а тяжело работающие крестьяне и распутные аристократы умирали еще раньше. Тем не менее, бесчисленные даосы доживали до восьмидесяти-девяноста лет, а были и такие, кто жил гораздо дольше. Вот один из наших самых любимых примеров.

В 1933 году газеты всего мира писали о кончине человека по имени Ли Чунг Юн. По официальным и неопровержимым данным китайского правительства, подтвержденным тщательным независимым расследованием, Ли родился в 1677 году. Когда ему было уже за двести, он прочитал двадцать восемь трехчасовых лекций о долгожительстве в китайском университете. Те, кому удалось увидеть его в то время, утверждают, что он выглядел на пятьдесят, с прямой спиной, здоровыми зубами и густыми волосами. Когда он умер, ему было двести пятьдесят шесть лет.

Когда Ли был ребенком, он ушел из дома, чтобы присоединиться к каким-то странствующим собирателям трав. В горах Китая он научился от них некоторым секретам земной медицины. Вдобавок к ежедневному употреблению всевозможных омолаживающих трав он практиковал даосские упражнения, считая, что упражнения, которые напрягают и утомляют ум и тело, укорачивают жизнь. Его любимым способом путешествия было то, что он называл «легкой прогулкой». Молодые люди, которые сопровождали его в этих прогулках в последние годы его жизни, не могли за ним угнаться, а он проходил с такой скоростью целые мили. Он советовал тем, кто заботился о крепком здоровье, »сидеть, как черепаха, ходить, как голубь и спать, как собака». Однако, когда его спрашивали о самом главном его секрете, он отвечал: «Внутренняя тишина».

Тут нелишне будет заглянуть в «Дом на Пуховой Опушке». Кристофер Робин только что задал Пуху вопрос:

— Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

— Ну, — ответил Пух, — я больше всего люблю...

И тут ему пришлось остановиться и подумать, потому что хотя кушать мед — очень приятное занятие, но есть такая минутка, как раз перед тем, как ты принимаешься за мед, когда еще приятнее, чем потом, когда ты уже ешь, но только Пух не знал, как эта минутка называется.

Мед, когда его ешь, уже не так вкусен; цель, когда она достигнута, уже не значит так много; награда, когда она получена, уже не так привлекательна. Если мы сложим все награды, которые мы получали в жизни, выйдет не так уж много. Но если мы сложим все промежутки между наградами, получится уже кое-что. А если мы сложим и награды, и промежутки, то получим все — каждую минуту потраченного нами времени. Что, если бы мы могли насладиться всем этим?

После того, как новогодние подарки открыты, они уже не доставляют столько радости, как тогда, когда их осматривали, поднимали, трясли, думали «а что же внутри?» и открывали. Через триста шестьдесят пять дней мы пробуем снова, и опять происходит тоже самое. Каждый раз, когда цель достигнута, она перестает быть такой завлекательной, и мы находим еще одну, потом еще, и еще.

Это не значит, что наши цели совсем не нужны. Они нужны в основном потому, что дают нам возможность участвовать в процессе их достижения, и именно сам процесс делает нас мудрее и счастливее. Если мы пытаемся противостоять естественному порядку вещей, мы становимся несчастными, злыми, сбитыми с толку и тому подобное. Цель должна нам подходить и быть полезной, чтобы обеспечить благотворный процесс. Но кроме этого, сам процесс тоже очень важен. *Наслаждение* процессом — вот секрет, который стирает миф о Великой Награде и Экономии Времени. Может быть, это поможет понять значение слова *Дао*, Путь, для повседневной жизни.

Как можно назвать мгновение перед тем, как мы начали есть мед? Некоторые назовут это предвкушением, но нам кажется, это больше, чем просто предвкушение. Мы бы назвали это осознанием. Это когда мы счастливы и осознаем это, даже если всего лишь на мгновение. Наслаждаясь процессом, мы можем растянуть это осознание настолько, что оно перестанет быть всего-лишь мгновением и станет самым процессом. Тогда мы сможем всегда радоваться. Прямо как Пух.

И еще он подумал, что быть с Кристофером Робинем тоже очень приятное дело, и быть с Пятачком — это тоже очень приятное дело, и вот когда он это все обдумал, он сказал:

— Что я люблю больше всего на свете — это когда мы с Пятачком придем к тебе в гости и ты говоришь: «Ну как, не пора ли подкрепиться?», а я говорю: «Я бы не возражал, а ты как, Пятачок?», и день такой шумелочный, и все птицы поют.

Когда мы находим время, чтобы насладиться тем, что нас окружает и почувствовать благодарность за то, что мы живем, мы обнаруживаем, что у нас больше нет времени, чтобы быть Щасвирнусами. Но это и хорошо, потому что быть Щасвирнусами — это огромная потеря времени. Как писал поэт Лу Ю:

Облака над нами сходятся и расходятся,
Ветерок во дворе то уходит, то возвращается.
Жизнь такова, так почему бы не расслабиться?
Кто может помешать нам ею наслаждаться?

АЙ ДА МЕДВЕДЬ!

Мы обсуждали «Оду радости», хоровой финал Девятой симфонии Бетховена.

- Это одно из моих любимых мест — сказал Винни Пух.
- Мое тоже, — сказал я.
- Моя любимая часть, — сказал Пух, — где они начинают петь: Славься, славься, Медведь!
- Но...
- *Славься, Мишка!*
- Славься, Пух!
- Но они не...
- Славься, славься, Медведь!
- Моя любимая часть, — добавил он.
- Но они не поют: «Славься, славься, Медведь!» в «Оде радости», — сказал я.
- Не поют?
- Нет, не поют.
- А почему?
- Ну, наверное, потому что им это не пришло в голову.
- Им это *что*?
- Ни Людвиг Ван Бетховен, ни человек, сочинивший слова для «Оды радости», не писали там ничего про Медведей.

— Ох, наверное, это был Людвиг Ван Медведен.

— Пух, нет никакого Людвиг Ван Медведена. Ты сам придумал эту песню.

— Я?

— Да, ты.

— А-а, так *вот* где я ее слышал! — сказал Пух.

Но, тем не менее, это привело нас к тому, что мы будем здесь обсуждать — к тому, чтобы наслаждаться жизнью и быть Особенным. Видите ли, все мы Особенности.

— Трудно быть храбрым, — сказал Пятачок, — когда ты всего лишь Очень Маленький Зверек.

Кролик, который тем временем начал что-то писать, на секунду поднял глаза и сказал:

— Именно потому, что ты Очень Маленький Зверек, ты будешь очень полезен в предстоящем нам приключении.

Пятачок пришел в такой восторг при мысли о том, что он будет *полезным*, что даже позабыл о своих страхах. А когда Кролик сказал, что Кенги бывают свирепыми только в зимние месяцы, а все остальное время они в благодушном настроении, Пятачок едва мог усидеть на месте — так ему захотелось сразу же стать полезным.

— А как же я? — грустно сказал Пух. — Значит, я не буду полезным?

— Не огорчайся, Пух, — поспешил утешить его великодушный Пятачок. — Может быть, как-нибудь в другой раз...

— Без Винни Пуха, — торжественно произнес Кролик, начиная чистить карандаш, — все предприятие будет невозможным.

— О-о! — сказал Пятачок, пытаясь не показать своего разочарования.

Пух опять скромно удалился в угол. Про себя он гордо сказал: «Без меня все невозможно! Ай да Медведь!»

Неважно, насколько мы можем быть полезными, иногда нам требуется довольно много времени, чтобы понять нашу истинную ценность. Это легко проиллюстрировать с помощью китайской сказки про *Каменотеса*:

Жил-был один каменотес, который был очень недоволен своей жизнью. Однажды он проходил мимо дома богатого купца и сквозь

открытые ворота увидел много красивых вещей и важных посетителей. «Какой, должно быть, сильной властью обладает этот купец!» — подумал каменотес. Его охватила зависть, ему захотелось стать таким же, как этот купец. Ни секунды не желал он больше быть простым каменотесом!

Как вдруг, к его удивлению, он превратился в такого же купца. О такой роскоши и власти он даже и не мечтал! А все те, кто не обладал подобными богатствами, стали ему завидовать и обходить его дом стороной. Но однажды мимо его дома проходила процессия во главе с высоким правительственным чиновником, которого несли в паланкине. Его сопровождали многочисленные слуги и солдаты, которые били в гонги. Все, независимо от того, насколько они богаты, были обязаны низко склониться перед процессией. «Какой, должно быть, сильной властью обладает этот чиновник!» — подумал он. «Я тоже хочу быть важным чиновником!»

И тотчас он превратился в важного чиновника, которого несли в разукрашенном паланкине, и которого боялись и ненавидели все люди вокруг, которые были обязаны склоняться перед ним, когда его проносили мимо. Был знойный летний день, и чиновник чувствовал себя очень неуютно в жарком паланкине. Он взглянул вверх на солнце. Оно гордо светило в небе, даже не замечая его присутствия. «Какой, должно быть, сильной властью обладает солнце!» — подумал он. «Я тоже хочу быть солнцем!»

И тут же он превратился в солнце. Он стал яростно палить сверху на всех и сжигать поля, а крестьяне и рабочие посылали ему свои проклятья. Но вдруг большая темная туча встала между ним и землей так, что его свет не мог пробиться сквозь нее. «Какой, должно быть, сильной властью обладает эта грозная туча!» — подумал он. «Я тоже хочу быть важной тучей!»

Тогда он превратился в тучу и стал заливать поля и деревни водой, и все его ругали. Но вскоре он обнаружил, что его относит в сторону какой-то огромной силой, и понял, что это ветер. «Как могущественен ветер!» — подумал он. «Я тоже хочу быть ветром!»

Тогда он стал ветром, срывающим крыши с домов, вырывающим с корнями деревья, и все внизу ненавидели и боялись его. Но вскоре он налетел на что-то, что не двигалось с места, как бы сильно он не

дул. Это был гигантский камень. «Как силен этот камень!» — подумал он. «Я тоже хочу быть камнем!»

Тогда он превратился в камень, более могущественный, чем что-либо еще на земле. Но вдруг он услышал стук молотка, вбивающего резец в твердую породу, и почувствовал, что его форма меняется. «Что может быть более могущественным, чем я, Камень?» — подумал он. Он посмотрел вниз и увидел далеко внизу фигуру каменотеса.

А, вот и почта.

— Ой, смотри-ка, это тебе, Пух.

— *Мне?* — сказал Пух.

— Мистеру Пуху. Медведю.

— *Мистеру Пуху, Медведю?*

— Тут так написано.

— Мистеру... Пуху... Медведю, — сказал Пух полным ужаса голосом. — А что там говорить? — спросил он, залазая на стол и заглядывая мне через плечо.

— Это из обувного магазина. *“Объявляем нашу третью годовую распродажу обуви. Все стили, все размеры.”* Пух, тебе это не нужно.

— А что там написано внизу? — спросил Пух.

— *“Кофе бесплатно”*. Еще одна причина, чтобы держаться оттуда подальше.

— Дай-ка я еще разок посмотрю, — сказал Пух, беря письмо и поднося его к окну.

Чтобы быть адекватным к любой ситуации, рано или поздно нам придется научиться Верить. Это не значит, что мы должны переложить всю ответственность на плечи какого-то обожествленного Духовного Супермена или просто сидеть и ждать, пока Судьба постучит к нам в дверь. Нам просто надо поверить в ту силу, которая находится внутри нас, и использовать ее. Когда мы поступаем подобным образом и перестаем копировать действия других или бороться против них, все начинает работать на нас.

Вот несколько примеров:

В 1927 году тридцатидвухлетний человек стоял на краю озера в Парке Линкольна в Чикаго, собираясь броситься в темные воды озера и утонуть. Его дочь умерла, его компания обанкротилась, его репутация была разрушена, и к тому же он становился алкоголиком.

Глядя в озеро, он спросил себя, что может сделать один маленький человек в его положении. И тут к нему пришел ответ: теперь он свободен, ему больше нечего терять, теперь он может рисковать, начать новое дело, и таким образом, помочь людям. Он вернулся домой и погрузился в работу, которую, как он верил, ему поручила вселенная, вместо того, чтобы делать то, чему его учили всю жизнь. Он наблюдал законы природного мира и выстраивал свой собственный жизненный путь в соответствии с ними, постепенно полностью меняя свою жизнь. Эти законы должны были помочь ему в его величайшем деле. Но без своей веры и использования своего шанса его вклад в человечество никогда бы не был завершен, и никто бы никогда не узнал имени Бакминстера Фуллера [Город Творцов*](#).

В 1854 году одного мальчика выгнали из школы в Порт Хьюрон, штат Мичиган, за «отвратительное поведение». Он продержался там три месяца. Это было единственное формальное обучение в его жизни. Позднее он работал в качестве ассистента-лаборанта. Его карьера закончилась, когда он взорвал лабораторию. Его наниматель вышвырнул его на улицу, говоря, что он ни на что не годится. Но у него был план, и он не собирался позволить одной или нескольким незначительным проблемам остановить его. Он хотел изучать механические приложения природных законов. Со временем он стал самым выдающимся изобретателем в истории Америки. На его имя было зарегистрировано более тринадцати тысяч отечественных и зарубежных патентов, а его имя стало синонимом гениального решения всех проблем — это был Томас Эдисон.

Пессимисты, вечно трясущиеся «как бы чего не вышло», никогда ничего не добьются, потому что они не смотрят ясно и объективно на происходящее, они не верят в собственные силы и не станут использовать их даже при самом минимальном риске. Например, когда Ру упал в реку во время знаменитой Экспедиции по отысканию Северного Полюса, что сделал унылый Иа? Когда Ру уже давно отнесло течением, Иа нехотя опустил хвост в воду, чтобы Ру за него схватился и вылез — или, точнее, чтобы нельзя было сказать, что Иа ничего не делает для спасения Ру. Разумеется, он и не ожидал от этого никакой пользы, и, разумеется, ее и не было.

Так кто же спас Ру? Пятачок в панике прыгал на месте и кричал. Бесполезная Сова советовала Ру держать голову над водой. Обеспокоенная Кенга спрашивала, все ли с ним в порядке. Капитан Кролик выкрикивал команды... И только Пух оказал реальную помощь:

Он подхватил длинную палку и перебросил ее на тот берег. Туда сразу же перескочила Кенга и схватила другой конец; они опустили палку к самой воде, и вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: «Смотрите, как я плаваю!» — ухватился за нее и выкарабкался на берег.

— Вы видели, как я плаваю? — пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. — Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делал? Я плавал! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делал? Я плавал! Кристофер Робин, ты видел, как я...

Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.

— Пух, — сказал он, — где ты нашел эту ось?

Пух посмотрел на палку, которую все еще продолжал держать.

— Ну, просто нашел, — сказал он. — Разве это ось? Я думал, это просто палка и она может нам пригодиться. Она там торчала в земле, а я ее поднял.

— Пух, — сказал Кристофер Робин торжественно, — экспедиция окончена. Это — Земная Ось. Мы нашли Северный Полюс!

Мы должны поступать так же, как Пух, — как только ситуация ясна и видно, что мы можем сделать, нам надо использовать все, что попадает на пути, чтобы сделать все, что от нас требуется. Гораздо чаще, чем кажется, все необходимые нам вещи находятся рядом с нами, и все, что нам нужно сделать — использовать их.

Например, когда Пятачок был совершенно окружен водой...

«Да, немного страшновато, — сказал он сам себе, — быть Очень Маленьким Зверьком, совершенно окруженным водой! Кристофер Робин и Пух могут спастись, забравшись на дерево, Кенга может ускакать и тоже спастись, Колик может спастись, зарывшись в землю, Сова может улететь, а Иа может спастись — мм... если будет громко кричать, пока его не спасут.

А вот я сижу тут, со всех сторон окруженный водой, и совсем-совсем ничего не могу сделать!»

И вдруг он вспомнил историю, которую рассказывал ему Кристофер Робин, — историю про человека на необитаемом острове, который написал что-то на бумажке, положил ее в бутылку и бросил бутылку в море; и Пятачок подумал, что если он напишет что-нибудь на бумажке, положит ее в бутылку и бросит в воду, то, может быть, кто-нибудь придет и спасет его!

Он так и сделал.

И когда бутылка Пятачка проплывала мимо Пуха, он получил послание. Но тогда он должен был отправиться к Кристоферу Робину, чтобы узнать, что там написано.

Он взял свой самый большой горшок, бросил его в воду и прыгнул вслед. И после некоторых экспериментов со своим кораблем, он доплыл до дома Кристофера Робина, где послание прочли и разработали план Спасения. Тут выяснилось, что им нужен корабль побольше. Тогда Пух придумал.

И в увлекательнейшей Спасательной Экспедиции Пятачок был спасен не кем иным, как знаменитым Медведем Пухом, Открывателем Северного Полюса.

— Слушай, Сова, ты случайно не видела Пуха?

— Кажется, я видела, как он недавно клал что-то в шкаф, — ответила Сова. — Но я не обратила на это внимания.

— В шкаф? Ну-ка посмотрим, что бы это могло быть...

— Что там? — спросила Сова.

— Сова, а что тут делают все эти коробки?

— Коробки? Какие коробки? — сказала Сова.

— И во всех коробках... обувь.

— Обувь? — сказала Сова.

— Ты только посмотри. Ботинки 42-го размера, сандалии 46-го, мокасины 39-го, ...

— Все стили, все размеры, — сказала Сова.

— Сова, я не вполне уверен, но, кажется, я начинаю понимать, откуда все это.

— Выяснится, что Пух — виновник всего этого, — мудро сказала Сова.

— Когда увидишь его, скажи, что я хочу поговорить с ним, хорошо, Сова?

— Разумеется.

Два только что упомянутых Бесстрашных Спасателя подводят нас к одному из важнейших понятий даосизма — *Ци*, которое может быть переведено как «сочувствие» или «любовь», и в основе которого лежит иероглиф *сердце*. В шестьдесят седьмой главе «Дао дэ цзина» Лао-цзы обозначил это как свою «главную драгоценность» и затем написал: «Из любви возникает бесстрашие». Мы могли бы добавить, что из любви возникает еще и мудрость. Примечательно то, что лишенные способности любить лишены также и мудрости. У них есть знания, возможно, ум, но мудрость — нет. Интеллект не имеет ни какого отношения к сердцу. Знание не умеет по-настоящему сочувствовать. Мудрость умеет. Еще одна интересная вещь заключается в том, что *“cor”*, «сердце» по-латыни, является основой английского слова *“courage”* («бесстрашие»). Вот что сказал об этом Пятачок:

«Кенга, она не умная, но она так заботится о Ру, что сделает Стоящее Дело, даже не задумываясь». *Ци* не только спасло Ру, обнаружило Северный Полюс и выручило Пятачка, оно также дало Пятачку смелость отправиться за помощью к Сове и Пуху, когда дом Совы сдуло ветром.

Пятачок, как известно, — Очень Маленький Зверек и далеко не самый *Храбрый*, но когда дом Совы рухнул, Пятачок обнаружил, что у него больше смелости, чем он сам мог предположить.

— Здравствуй, Сова, — сказал Пух, — я надеюсь, мы не опоздали к... Я хочу сказать — как ты поживаешь, Сова? Мы с Пятачком решили тебя навестить, потому что ведь сегодня Четверг.

— Садись, Пух, садись, садись, Пятачок, — сказала Сова радушно. — Устраивайтесь поудобнее.

Они поблагодарили ее и устроились как можно удобнее.

— Понимаешь, Сова, мы очень спешили, чтобы поспеть вовремя к... ну, чтобы успеть повидать тебя до того, как мы уйдем.

Сова с достоинством кивнула головой.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказала она, — но не права ли я, полагая, что на дворе весьма бурный день?

— Весьма, — сказал Пятачок, который грел свои ушки у огня, мечтая лишь о том, чтобы целым и невредимым вернуться домой.

— Я так и думала, — сказала Сова. — И вот как раз в такой же бурный день, как ныне, мой дядя Роберт, чей портрет ты видишь на стене по правую руку, Пятачок, — мой дядя Роберт, возвращаясь в поздний час с... Что это?

Раздался страшный треск.

— Берегись! — закричал Пух. — Осторожно, часы! Пятачок, с дороги! Пятачок, я на тебя падаю!

— Спасите! — закричал Пятачок...

— Пух, — сказал нервно Пятачок.

— Что? — сказала одно из кресел.

— Где мы?

— Я не совсем понимаю, — отвечало кресло.

— Мы... мы в доме Совы?

— Наверное, да, потому что вы ведь только что собирались выпить чаю и так его и не выпили.

— Ох! — сказал Пятачок. — Слушай, у Совы *всегда* почтовый ящик был на потолке?

Но после того, как с Пуха наконец стащили кресло и он смог оглядеться, у него возник План. Сова должна взлететь с веревкой к почтовому ящику, просунуть ее сквозь проволоку и вернуться обратно. Затем надо привязать один конец веревки к Пятачку, а Пух и Сова, тем временем, будут тянуть за другой конец.

— И Пятачок в ящике, — сказала Сова. — Если, конечно, веревка не оборвется.

— А если она оборвется? — спросил Пятачок с неподдельным интересом.

— Тогда мы возьмем другую веревку, — утешил его Пух.

Пятачка это не очень обрадовало, потому что хотя рваться будут разные веревки, падать будет все тот же самый Пятачок; но, увы, ничего другого никто не мог придумать...

И вот, мысленно попрощавшись со счастливым временем, проведенным в Лесу, с тем временем, когда его никто не подтягивал к потолкам на веревках, Пятачок храбро кивнул Пуху и сказал, что это Очень Умный Ппп-ппп-ппп, Умный ппп-ппп-план.

И наконец...

Пятачок протискивал себя и протаскивал себя, и, наконец, совершив последний натиск на цель, он оказался снаружи.

Счастливый и взволнованный, он на минутку задержался у выхода, чтобы пропищать пленникам слова утешения и приветов.

— Все в порядке! — закричал он в щель. — Твое дерево совсем повалилось, Сова, а на двери лежит большой сук, но Кристофер Робин с моей помощью сможет его отодвинуть, и мы принесем канат для Пуха, я пойду и скажу ему сейчас, а вниз я могу слезть легко, то есть это опасно, но я не боюсь, и мы с Кристофером Робинем вернемся приблизительно через полчаса. Пока, Пух! — И, не дожидаясь ответа Пуха: «До свидания, Пятачок, спасибо», он исчез.

— Полчаса, — сказала Сова, устраиваясь поудобнее. — Значит, у меня как раз есть время, чтобы закончить повесть, которую я начала рассказывать, — повесть о дяде Роберте, чей портрет ты видишь внизу под собой, милый Винни. Припомним сначала, на чем я остановилась? Ах, да! Был как раз такой же бурный день, как ныне, когда мой дядя Роберт...

— Сова сказала, что ты хочешь меня видеть, — сказал Винни Пух.

— Скажи-ка мне, Пух, откуда все эти коробки с обувью в шкафу?

— Я ничего не мог поделать, — сказал Пух.

— Как так?

— Ну, сначала была карточка для *Мистера* Пуха, Медведя. Потом, когда я зашел в магазин, просто из любопытства...

— Да?

— Продавец был так обходителен со мной. «Чем я могу вам помочь, сэр?» — сказал он. Он заставил меня почувствовать себя таким Значительным.

— Пух, тебе ведь не нужны эти ботинки, — сказал я.

— Я отнесу их обратно, — сказал Пух.

— Это правильно.

— Я думаю, еще куча народа будет возвращать свои покупки.

— Почему?

— Я видел, как многие покупали вещи, которые им совершенно не нужны. По всему магазину.

— Вполне вероятно, — сказал я.

— Я был не один такой, — сказал он.

— Конечно нет, Пух. Многие люди пытаются купить Счастье и Значительность подобным образом. Но *ты* можешь быть счастливым и значительным и без всего этого.

— Они тоже могут, — сказал Пух.

Да, это правда. Каждый может. Несмотря на заявления Иа, все могут наслаждаться жизнью и использовать свою истинную природу, просто не все это делают.

Сидя спокойно у озера Уолден пару лет назад, Мудрый Наблюдатель писал: «Масса людей живет в тихом отчаянии». Вероятно, *тогда* отчаяние могло быть тихим. Сейчас оно оглушающе. Но мы не обязаны быть частью его. Мы можем прекратить наше отчаянное цепляние за пустой суррогат жизни и стать свободными. Достаточно сделать первый шаг — и процесс начнется.

А это приводит нас к Принципу Тирлим-Бом-Бом, который возник из песенки Винни Пуха:

Чем больше снегопад

(Тирлим-Бом-Бом)

Тем больше снега

(Тирлим-Бом-Бом)

Тем больше снега

(Тирлим-Бом-Бом)

Падает.

Его еще называют Эффектом Снежного Кома, что навевает воспоминания о том времени, когда вы катили маленький снежный комочек, и он становился все больше и больше, пока не превратился в такой большой ком, что вы уже не могли его остановить, и он скатился с горки и помял соседскую машину, и вскоре все обсуждали Огромный Снежный Ком, который совершенно вышел из-под вашего контроля... Наверное, поэтому мы все-таки предпочитаем называть его Принципом Тирлим-Бом-Бом.

Этот принцип может быть как позитивным, так и негативным. Он может порождать цинизм с той же легкостью, с какой он вселяет надежду. Он может создавать жестоких преступников или бесстрашных героев, тупых громил или блестящих творцов. Суть

заключается в том, чтобы или «позволить» ему работать на вас и на пользу другим, или столкнуться с Отвратительными Последствиями.

Используя Принцип Тирлим-Бом-Бом, вы с помощью уважения создаете Уважение. Чем больше снегопад, тем больше снега.

И Пух спел ему Хвалебную Песню — все семь строф. Пятачок ничего не говорил — он только стоял и краснел. Ведь никогда еще никто не пел Пятачку (ПЯТАЧКУ), чтобы он «Славился, славился на века!». Когда песня кончилась, ему очень захотелось попросить спеть одну строфу еще раз, но он постеснялся. Это была та самая строфа, которая начиналась словами: «О Храбрый, Храбрый Пятачок». Пятачок чувствовал, что начало этой строфы особенно удалось!

— Неужели я правда все это сделал? — сказал он наконец.

— Видишь ли, — сказал Пух, — в поэзии — в стихах... Словом, ты сделал это, Пятачок, потому что стихи говорят, что ты это сделал. Так считается.

— Ой! — сказал Пятачок. — Ведь я... мне кажется, я немножко дрожал. Конечно, только сначала. А тут говорится »Дрожал ли он? О нет, о нет!« Вот почему я спросил.

— Ты дрожал *про себя*, — сказал Пух. — А для такого Маленького Зверька это, пожалуй, даже храбрее, чем совсем не дрожать.

Пятачок вздохнул от счастья. Так, значит, он был *храбрым!*..

И позднее, когда Несведущий Иа нашел новый дом для Совы, и он оказался домом *Пятачка*...

— Самый подходящий дом для Совы. Как ты считаешь, маленький Пятачок? — спросил Иа.

И тут Пятачок совершил Благородный Поступок. Он совершил его как бы в полусне, вспоминая обо всех тех чудесных словах, которые спел про него Пух.

— Да, это самый подходящий дом для Совы, — сказал он великодушно. — Я надеюсь, что она будет в нем очень счастлива. — И он два раза проглотил слюнки, потому что ведь и он сам был в нем очень счастлив.

— Что ты думаешь, Кристофер Робин? — спросил Иа не без тревоги в голосе, чувствуя, что тут что-то не так.

Кристоферу Робину нужно было задать один вопрос, но он не знал, как его задать.

— Ну, — сказал он наконец, — это очень хороший дом, и ведь если твой дом повалило ветром, ты должен куда-нибудь переехать. Правда, Пятачок? Что бы ты сделал, если бы твой дом разрушил ветер?

Прежде чем Пятачок успел сообразить, что ответить, вместо него ответил Винни Пух.

— Он бы перешел ко мне и жил бы со мной, — сказал Пух. — Правда же, Пятачок?

Пятачок Пожал ему лапу.

— Спасибо, Пух, — сказал он. — С большой радостью.

Хотите быть по-настоящему счастливыми? Вы можете начать с того, чтобы научиться ценить себя такими, какие вы есть, и быть благодарными за то, что имеете. Хотите быть совершенно несчастными? Можете начать с недовольства. Как писал Лао-цзы, «Дерево толщиной в обхват вырастает из маленького семени; путь длиной в тысячу ли начинается с одного шага.» Знание, счастье и бесстрашие не ожидают нас где-то за горизонтом; они — часть непрерывного круга, который начинается прямо здесь. Они не только в конце, но и в начале. Чем больше снегопад, тем больше снега, тем больше снега падает.

Чжуан-цзы описал это так:

Широко известно, что бесстрашный дух одного человека может вдохновить на победу целую армию. Если простой храбрец может совершить подобное, то на что способен тот, кто заботится о более великих вещах!

(Аплодисменты.) Тост! За Храброго Пятачка и Бесстрашного Пуха...

Так славься, славься на века

Великий Подвиг Пятачка (ПЯТАЧКА)!

и

Славься, Медведь!

Славься, Пух!

Славься, славься, Мишка!

Когда они уже давно угостились, Кристофер Робин постучал ложкой по столу, и все перестали разговаривать и стали очень внимательными, кроме Ру, который с трудом боролся с икотой, пытаясь походить на одного из родственников Кролика.

— Этот Торжественный Вечер — сказал Кристофер Робин, — был устроен в честь того, кто совершил Славное Дело, и мы все знаем, кого я имею ввиду. Этот Вечер по праву принадлежит ему, и у меня есть для него подарок — он у меня здесь...

Он немного пошарил кругом и прошептал:

— Где же он?

Пока он искал, Иа значительно кашлянул и начал говорить:

— Друзья, — сказал он, — мне очень приятно, точнее, *пока* приятно видеть вас на моем Вечере. То, что я совершил, — это сущие пустяки. Любой из вас, за исключением Кролика, Совы и Кенги, сделал бы то же самое. Ах да, и Пуха. Мое замечание, разумеется, не относится к Пятачку и Ру, поскольку они слишком маленькие. Любой из вас сделал бы то же самое. Просто так случилось, что это был Я. И, должен сказать, вовсе не из-за того, что Кристофер Робин ищет сейчас...

Тут он поднес свою переднюю ногу ко рту и громко прошептал: «Поищи под столом».

— ... сделал я то, что я сделал, а потому что все мы должны делать все возможное, чтобы помочь. Я чувствую, что мы все должны...

Да, да, да. Ну, во всяком случае...

— Вот он! — воскликнул Кристофер Робин. — Передайте его старому глупому Пуху. Это для Пуха.

— Для Пуха? — спросил Иа.

Конечно, для Пуха. Потому что такой уж он Замечательный Медведь.

— И что, интересно, делает Пуха таким особенным? — спросил Иа с возмущением.

— Послушай, Иа, если ты прочитаешь следующую главу, то, может быть, поймешь, — сказал я.

— Ну, если это *так* необходимо, — сказал Иа.

НИГДЕ И НИЧТО

— Куда мы идем? — спросил Пух, стараясь поспеть за ним и одновременно понять, что им предстоит — Экспедиция или еще какое-нибудь *Я не знаю что*.

— Никуда, — сказал Кристофер Робин.

Что ж, они пошли туда, и, после того, как они прошли порядочный кусок, Кристофер Робин спросил:

— Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

(И конечно же, что Винни Пух любил делать больше всего на свете — это идти к Кристоферу Робину и угощаться, но поскольку мы об этом уже говорили, нет нужды говорить об этом снова.)

— Это все я тоже люблю, — сказал Кристофер Робин, — но что больше всего я люблю делать — это...

— Ну, ну?

— Ничего.

— А как ты это делаешь? — спросил Пух после очень продолжительного размышления.

— Ну вот, спросят, например, тебя, как раз когда ты собираешься это делать: «Что ты собираешься делать, Кристофер Робин?», а ты говоришь: «Да, ничего», а потом идешь и делаешь.

— А-а, понятно, — сказал Пух.

— Вот, например, сейчас мы тоже делаем такое ничего.

— А-а, понятно, — повторил Пух.

— Например, когда просто гуляешь, слушаешь то, чего никто не слышит, и ни о чем не заботишься.

Чжуан-цзы описывает это так:>

Сознание отправилось на Север, к земле Темных Вод, и взобралось на Неприметный Склон, где встретило Безмолвного Не-деятеля. «У меня к тебе три вопроса», — сказала Сознание. «Первый: Какие мысли и усилия приведут нас к постижению Дао? Второй: Куда мы должны идти и что мы должны делать, чтобы обрести покой в Дао? Третий: Откуда должны мы начать и каким путем следовать, чтобы обрести Дао?» Безмолвный Не-деятель хранил молчание.

Сознание отправилось на Юг, к земле Светлого Океана, и взобралось на Гору Уверенности, где увидело Импульсивного Оратора. Оно задало ему те же вопросы. «Вот ответы на твои вопросы», — ответил Импульсивный Оратор. Но как только он начал говорить, он запутался и забыл, о чем говорит.

Тогда Сознание вернулось во дворец и спросило Желтого Императора, который сказал: «Не иметь мыслей и не прилагать усилий — первый шаг к постижению Дао. Не идти никуда и не делать

ничего — первый шаг к обретению покоя в Дао. Не иметь точки отсчета и не следовать никаким путем — первый шаг к обретению Дао».

То, о чем говорит Чжуан-цзы, Кристофер Робин и Винни Пух — это Великая Тайна, ключ, который открывает двери знания, счастья и истины. Что же это за магическое, таинственное нечто? Ничто. Для даоса Ничто — это *что-то*, а Что-то, по крайней мере то, что многие считают таким важным, — это действительно ничто.

Сейчас мы попытаемся дать вам некоторое представление о том, что даосы называют *Тай Сюй*, «Великое Ничто».

Для начала давайте снова обратимся к работам Чжуан-цзы:

Возвращаясь с гор Кун-лун, Желтый Император потерял темную жемчужину Дао. Он послал Знание на поиски, но Знание было неспособно понять ее. Он послал Дальновидение, но Дальновидение было неспособно увидеть ее. Он послал Красноречие, но Красноречие было неспособно описать ее.

В конце концов, он послал Пустой Ум, и Пустой Ум вернулся с жемчужиной.

Когда Иа потерял свой хвост, кто нашел его? Умный Кролик? Нет. Он был занят совершением Умных Дел. Ученая Сова? Нет. Она даже не узнала его, когда увидела. Всезнайка Иа? Нет. Он даже не осознавал, что потерял хвост, пока Пух не сказал ему. И даже тогда его пришлось некоторое время убеждать, что хвоста действительно Там Нет.

Потом Пух отправился на поиски. Сначала он зашел к Сове, и Сова ужасно долго и нудно говорила какие-то ужасно длинные слова о том, что в подобном случае надо Пообещать Награду, для чего сначала надо написать ... (зевок) ... объявление, затем распространить его ... (зевок) ... по всему ... (мм). Ах, да — на чем мы остановились? По всему Лесу. И затем они вышли наружу...

И Пух посмотрел на звонок и на объявление под ним и взглянул на колокольчик и шнурок, который шел от него, и чем больше он смотрел на шнурок колокольчика, тем больше он чувствовал, что он где-то видел что-то очень похожее... Где-то, совсем в другом месте, когда-то раньше...

— Красивый шнурок, правда? — сказала Сова.

Пух кивнул.

— Он мне что-то напоминает, — сказал он, — но я не могу вспомнить что. Где ты его взяла?

— Я как-то шла по лесу, а он висел на кустике, и я сперва подумала, что там кто-то живет, и позвонила, и ничего не случилось, а потом я позвонила очень громко, и он оторвался, и, так как он, по моему был никому не нужен, я взяла его домой и...

Ага. Итак, Пух отнес хвост Иа, и после того, как хвост вернулся на место, Иа почувствовал себя гораздо лучше.

По крайней мере, хотя бы на некоторое время.

Пустой ум незаменим в поиске жемчужин, хвостов и других вещей, потому что он видит, что находится перед ним. Перегруженный ум на это не способен. Когда Чистый ум прислушивается к пению птиц, Наполненный-Знанием-и-Мудростью ум пытается выяснить, к какому виду принадлежат эти птицы. Чем больше он Набит Знаниями, тем меньше он может услышать своими ушами и увидеть своими глазами. Знание и Мудрость имеют привычку вовлекаться в какие-то бестолковые дела, а ум, запутавшись в Знании, Мудрости и Абстрактных Идеях, постоянно гоняется за тем, что совершенно неважно или, даже, не существует, вместо того, чтобы видеть, ценить и использовать то, что находится прямо перед ним.

Давайте на секунду представим себе, что такое Пустота в целом. За счет чего даосская пейзажная живопись так освежающе действует на многих людей? За счет Пустоты, незаполненного пространства. Что особенного в свежем снеге, чистом воздухе, прозрачной воде? Или в хорошей музыке? Как говорил Клод Дебюсси, «Музыка — это промежуток между нотами».

— У-у-у! Люби-и-имая! О-о-о-у-у-а-а-а!!! Лю-ю-юби-и-имая-я-я! (Пам-парам-пам-пам.) Люби-и-имая, не уходи-и-и! (Пам-парам-бух-бах!) Люби-и-имая, не у-у-ухо-о-оди-и-и!...

(Щелк.)

Как тишина после шума, как прохладная чистая вода в жаркий, знойный день, Пустота очищает беспорядочный ум и заряжает батареи духовной энергии.

Многие люди, однако, боятся Пустоты, потому что она напоминает им об Одиночестве. Все должно быть заполнено — ежедневники,

склоны холмов, свободные места на стоянках — но когда все пробелы заполнены, начинается *настоящее* Одиночество. Тогда присоединяются к Группам, записываются на Курсы и покупают себе Утешительные Подарки. Когда Одиночество скребется у дверей, включают Телефон, чтобы его прогнать. Но оно не уходит. Вместо него уходят некоторые из нас. И после того, как сброшена пустота этого Громадного Скученного Бардака, мы обнаруживаем полноту Ничто.

Одним из самых замечательных примеров, отражающих значение Ничто, является случай из жизни японского императора Хирохито. Быть императором в одной из самых конфуцианизированных стран мира не так уж и просто. С раннего утра до позднего вечера практически каждая минута императорского времени заполнена приемами, аудиенциями, поездками, инспекциями и еще бог знает чем. И при таком плотном расписании, по сравнению с которым каменная стена кажется пористой, император должен плыть по жизни как величественный корабль при ровном бризе.

И вот, в один особенно загруженный день император прибыл в зал собраний на какой-то прием. Но когда он вошел, в зале никого не было. Император прошел в центр огромного зала, некоторое время стоял молча, а затем поклонился пустому пространству. Он повернулся к своим подчиненным с широкой улыбкой на лице. «Нам надо почаще проводить подобные приемы», — сказал он им. — «Я давно уже не чувствовал себя так хорошо».

В сорок восьмой главе «Дао дэ цзина» Лао-цзы писал: «Кто следует наставлениям ученых мужей, что ни день, обретает. Кто внимает голосу Дао, что ни день, лишь теряет». А вот забавная история, описанная Чжуан-цзы:

— Я кое-чему научился, — сказал Янь Хой.

— Чему? — спросил Мастер.

— Я забыл правила добродетели и ступени человеколюбия, — ответил ученик.

— Хорошо, но могло бы быть и лучше — сказал Мастер.

Спустя несколько дней Янь Хой заметил:

— Я делаю успехи.

— Какие? — спросил Мастер.

— Я забыл Ритуалы и Музыку, — ответил он.

— Уже лучше, но это еще не совершенство, — сказал Мастер.

Через некоторое время Янь Хой сказал Мастеру:

— Теперь я просто сажусь и все забываю.

Мастер взглянул на него с удивлением.

— Что значит, ты все забываешь? — спросил он быстро.

— Я забываю тело и все ощущения и оставляю позади все чувства и знания, — ответил Янь Хой. — И в сердце Пустоты я сливаюсь с Источником Всех Вещей.

Мастер поклонился ему.

— Ты преодолел границы времени и познания и далеко меня обогнал. Ты нашел Путь!^{Город Творцов*}

Собирать, анализировать, сортировать и хранить информацию — это и многое другое разум может делать настолько автоматически, искусно и легко, что самый крутой компьютер будет выглядеть по сравнению с ним пластиковой игрушкой. Но он способен на бесконечно более сложные вещи. Использовать ум для того, для чего он обычно используется в большинстве случаев, почти так же неэффективно и неуместно, как использовать магический меч для открывания консервов. Сила чистого ума неопишима, но ею может обладать любой, кто сумеет оценить и применить на практике сущность Пустоты.

Скажем, у вас возникла какая-то идея. Откуда она взялась? Из чего-то, что, в свою очередь, пришло из чего-то еще? Если вы сможете проследить весь ее путь до самого источника, то обнаружите, что она возникла из Ничего. И, по всей вероятности, чем замечательнее идея, тем короче был ее путь оттуда. «Гениально! Ничего подобного раньше не было! Совершенно новый подход!» Практически каждому когда-либо приходила в голову подобная идея, чаще всего после здорового крепкого сна, когда все так ясно и наполнено Пустотой, что идея просто вдруг возникает из ничего. Но совершенно необязательно для этого каждый раз ложиться спать на пару часов. Вместо этого можно всегда бодрствовать — быть полностью пробужденным. Этот процесс абсолютно естественен.

Он начинается в детстве, когда мы беспомощны, но все осознаем, наслаждаясь тем, что нас окружает. Затем приходит юность, когда мы все так же беспомощны, но пытаемся *казаться* независимыми. Когда мы перерастаем эту стадию, мы становимся взрослыми — самостоятельными личностями, достаточно зрелыми и способными помогать другим так же, как мы научились помогать себе.

Но взрослый — это еще не самая высокая ступень в развитии. Конец цикла — это независимый, все видящий Ребенок с кристально чистым умом. Этот уровень называется Дао. Когда «Дао дэ цзин» и другие подобные книги говорят: «Вернись к истоку; стань подобным ребенку», они имеют ввиду именно это. Почему просветленные кажутся наполненными светом и счастьем, как дети? Потому что они и есть дети. Просветленные — это Дети, Которые Знают. Их ум очистился от ненужных сиюминутных знаний и наполнился пониманием Великого Ничто, Пути Вселенной.

Они шли, думая о Том и о Сем, и постепенно они добрались до Зачарованного Места, которое называлось Капитанский Мостик, потому что оно было на самой вершине холма. Там росло шестьдесят с чем-то деревьев, и Кристофер Робин знал, что это место зачаровано, потому что никто не мог сосчитать, сколько тут деревьев — шестьдесят три или шестьдесят четыре, даже если он привязывал к каждому сосчитанному дереву кусочек бечевки.

Как полагается в Зачарованном Месте, и земля тут была другая, не такая, как в Лесу, где росли всякие колючки и папоротник и лежали иголки; здесь она вся заросла ровной-ровной зеленой травкой, гладкой и шелковистой... Сидя там, они могли видеть весь мир — во всяком случае, до того самого места, где небо сходится с землей, и весь этот мир был вместе с ними здесь, в Зачарованном Месте.

Там и заканчивается книга про Винни Пуха, в Зачарованном Месте, на самой вершине холма. Мы можем попасть туда в любое время. Оно недалеко, и найти его не трудно. Просто встаньте на тропу, ведущую в Ничто, и идите по ней в Никуда, пока не окажетесь на месте. Потому что Зачарованное место находится прямо рядом с вами, и если вы Дружелюбны К Медведям, вы легко его найдете.

ДАО ПУХА

И в утреннем сиянии, и в сумерках, странствует по Лесу маленький Мишка. Почему мы следовали за ним, когда были еще совсем юными? В конце концов, он всего лишь Глупенький Медвежонок. Но разве Ум так уж важен? Разве Ум приводит нас туда, куда нам нужно идти? Или, как происходит гораздо чаще, именно Ум и уводит нас с правильного пути, и мы пытаемся догнать эхо ветра в вершинах деревьев, *думая*, что оно реально, вместо того, чтобы прислушаться к голосу внутри нас, указывающему нам путь?

Ум может делать многое, но то, что он может делать, — далеко не самое важное. Абстрактные умствования только отдаляют мыслителя от реального мира, и этот мир, Лес Истинной Жизни, находится сейчас в отчаянном состоянии, потому что развелось слишком много умников, которые слишком много думают и проявляют слишком мало заботы.

Мастера жизни знают Путь, потому что они прислушиваются к голосу в себе, к голосу знания и простоты, к голосу, который разумен без Умствования и знает без Размышления. Этот голос — не привилегия избранных, он был дан каждому. Те, кто обращают на него внимание, часто считаются исключением из правила, хотя на самом деле они — практическое подтверждение этого правила, приложимого ко всем, кто им пользуется.

В каждом из нас есть и Сова, и Кролик, и Иа, и Пух. Слишком долго мы следовали путем Совы и Кролика. Теперь, как Иа, мы жалуемся на последствия. Но это не помогает. Если мы не дураки, мы выберем путь Пуха. Как бы из далека, он зовет нас чистым голосом ума ребенка. Может быть, иногда его трудно услышать, но от этого он не становится менее важным, потому что без него мы никогда не найдем свой путь через Лес.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Ну, и что ты думаешь, Пух? — сказал я.

— Думаю о чем? — спросил Винни Пух.

— О Дао Пуха, разумеется.

— *Да* Пуха? — спросил Пух.

— Как, опять все с начала? — сказал я.

— *Что* все с начала? — спросил Пух.

— Дао Пуха, — сказал я.
— А что это — Дао Пуха?
— Ну как же — Неотесанное бревно, Принцип Именинного Пирога, Путь Пуха, Ай Да Медведь и так далее.
— А-а, — сказал Пух.
— Это и есть Дао Пуха, — сказал я.
— А-а, — сказал Пух.
— А не мог бы ты что-нибудь сказать об этом? — попросил я.
— Ну-у... вот, тут кое-что пришло мне в голову, — сказал он. — Я лучше спою.
— Ладно, давай.
— Ну, значит, так...
Чтобы **постичь** Дао,
Следуй Дао;
Следуй Дао,
Просто делая то,
Что ты делаешь.
Оно — здесь, прямо перед тобой,
Но слишком напрягаясь, чтобы его разглядеть,
Запутаешься и потеряешься.
Я — это я,
А ты — это ты,
Как видишь;
Но если будешь делать то,
Что в **твоих** силах,
Ты обретешь Дао,
И Дао последует за тобой.
— Вот что это такое, как *мне* кажется, — сказал он.
— *Превосходно*, — сказал я. — Но ведь ты знаешь, правда?
— Знаю что? — сказал Пух.
— Что это то же самое.
— Конечно, — сказал Пух. — Никакой разницы.

* * *

Об авторе «Дао Пуха»

Бенджамин Хофф — американский (штат Орегон) писатель, фотограф, музыкант, и композитор, преисполненный великой нежности к Лесам и Медведям.

Бакалавр Искусств (он полагает, что его учёная степень относится куда-нибудь к Искусству Дальнего Востока, но так вышло, что некоторое время он не вспоминал об этом, и, возможно, это уже не так), сравнительно недавно прошедший подготовку в Японии в качестве замечательного специалиста по художественной обрезке деревьев и кустарников. Теперь он пишет круглосуточно. Ну, во всяком случае — большую часть суток. Всё остальное время посвящает даосской йоге, тайцзицюань, трюковому запуску воздушных змеев, выстругиванию и (ай!) метанию бумерангов, а также даосскому теннису, чем бы это не оказалось на самом деле. Кроме этого любит поспать и поваляться на полу.

Он автор книг «Дао Пуха», «Дэ Пятка», а ещё — *The Singing Creek Where the Willows Grow: The Mystical Nature Diary of Opal Whiteley* (все вышли в издательстве Penguin).

Оригинальная вёрстка, корректура: [Город Творцов](#)

[Город Творцов](#)

Заметки

[[Город Творцов](#)]

* * Разработчик пространственных стальных конструкций из прямых стержней. (Прим. переводчика.)

[Город Творцов]

* А самое забавное здесь, что Мастера у Чжуан-цзы зовут... Конфуцием. %)
(Прим. корректора.)